

КРИСТИНА
ЮРАШ

ЧУДОВИЩЕ НАВИ,
или
Завтра еще пойдут!

Кристина Юрьевна Юраш Чудовище Нави, или Завтра еще пойду!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70107922

SelfPub; 2023

Аннотация

В таинственном мире Нави обитает страшное чудовище! Из его объятий не просто выбраться. За дорогие подарки красавицы расплачиваются кровью. А за его любовь – жизнью. Его чары способны околдовать любую! Я случайно попала в этот мир и стала ведьмой. Домовой пристает к хозяйке, Леший украл ребенка, Банник не пускает в баню? Это мы мигом! Но есть нечисть, с которой мне, неопытной ведьме, не совладать! Его нежный голос, красивое лицо и улыбка до сих пор сняты мне в кошмарах! Я помню нашу первую встречу, и пообещала себе обходить стороной это страшное болото! Ну, по-крайней мере, стараюсь... Очень стараюсь! Из всех сил стараюсь... Почему мне никто не сказал, что он так просто не отпускает свою добычу? Э-не! Не в этот раз, уважаемое чудовище! Ой! Пустите!!!

Содержание

Пролог. Подмоченная репутация	4
Глава первая. Бес меня, бес меня му-у-учит!	15
Глава вторая. Посвящаю тебя стать моей неприятностью	25
Глава третья. Договор – не приговор!	35
Глава четвертая. Брысь от меня!	45
Глава пятая. Конечно Вася! А кто его не знает?	54
Глава шестая. В карты на кожесидиране!	64
Глава седьмая. Три в ряд!	73
Глава восьмая. Не баньте меня, пожалуйста!	84
Глава девятая. К худу или к бобру?	90
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Кристина Юраш

Чудовище Нави, или

Завтра еще пойду!

Пролог. Подмоченная репутация

– Еще одна нежная и сладкая девочка... – бархатистый вкрадчивый мужской голос обволакивал меня. Он был тихим и ласковым, словно пытаюсь усыпить мою бдительность.

– Как я хочу тебя попробовать, моя сладенькая... – последние слова растворились в звоне комаров, кваканье лягушек и в надрывном женском визге, словно кто-то утопил в болоте новенький телефон.

– Кто здесь?! – испуганно дернулась я, резко погружаясь по колено в вонючую трясины.

Над водой плавала какая-то желтоватая склизкая тина, пытаюсь прилипнуть к дорожному пальто, которое я задрала повыше, чтобы не испачкать.

«Ква-а-а!», – протяжным басом квакнула огромная бородавочная жаба.

Она сидела на трухлявой замшелой коряге, наполовину утонувшей в болотной тине. Глаза у нее были умные-умные... Поймав мой пристальный взгляд, жаба закатила глаза

и вышла из контакта с нашим миром.

– Мои сапоги! За шесть тысяч рубле-е-е-ей! – всхлипнула я, пытаюсь спасти хотя бы новенькое пальто. Осталось взять его в зубы, чтобы не замочить. Сумка висела на локте. Я растерянно прижимала к груди ключи от квартиры и телефон.

Я не знаю, как оказалась посреди огромного вонючего и страшного болота!

Помню, как вышла из квартиры, захлопнула дверь, закрыла замок, пообещала себе смотреть под ноги, чтобы не испачкать новые беленькие «дары зарплаты», сделала шаг и ... очутилась по колено в болотной тине. В месте абсолютно незнакомом!

Над болотом стоял туман. Таинственная дымка стелилась по мутной воде, обволакивала кочки и цеплялась за черные сырые утонувшие ветки деревьев.

С огромной палки, торчащей из самой трясины, на меня смотрел череп оленя. Его глаза горели зловещим тусклым зеленым светом.

Один глаз вылетел огоньком и пересел на дерево. Следом полетел второй, присаживаясь рядом. И теперь на меня уже смотрели деревья, словно чего-то ждали...

Конечно, мой подъезд с единственной лампочкой этажом выше трудно назвать образцово-показательным. Однажды в моем подъезде собирались снимать фильм ужасов. Но в этот день как назло прорвало канализацию. И режиссер сказал, что у нас чересчур страшно. Даже для его фильма. Он сни-

мает ужасы, а не кошмар! Даже местные ходячие «попойники», отметившие будущее кинематографа, в этот день были трезвыми. Кина не будет!

Хоть и по запаху это место и напоминало мой подъезд в период бездействия коммунальных служб, но у нас было как-то не принято насаживать на огромные палки черепа тех, кто писал в лифте. Хотя, этот вариант мы тоже рассматривали на собрании жильцов. И идею горячо поддержали!

– П-п-помогите! – пискнула я, пытаюсь сделать шаг в зловонной топи.

А зря!

На мой зов откликнулись только комары размером с ворону. словно боевой вертолет, огромный лохматый комар приземлился на меня, и лениво раскатал хоботок, толщиной с палец. Мне показалось, что сейчас послышится звук, словно какой-то очень упрямый и жадный ребенок выжимает остатки коктейля через соломинку.

Два-три укуса хватит, чтобы с моей усохшей мумией сфотографировались посетители музея.

Комариная стая периодически превращалась в комариное стадо, пасущееся на мне. Но я решила, что только через мой труп!

– Пшик! Пшик! – отбивалась я духами, найденными в сумочке. Но комарам было хоть бы хны! Зато теперь за особо наглыми стелился нежно-весенний цитрусово – ванильный шлейф!

Видимо, комарам настолько понравился запах, что они позвали остальных. Что-то вроде: «Сегодня акция!!! Как-кая-то тетка прыскает духами бесплатно!».

Флакон кончился и был брошен в огромную комариную армию, как граната с выдернутой чекой. Однако, это тоже не помогло!

Я отмахивалась сумкой, теряя равновесие и шатаюсь на месте. Пока что счет был два – один! В мою пользу. Все содержимое сумки летело по сторонам и тонуло в мутной жиже.

Ноги почти тут же увязли по колено, и я чуть не села в самую грязь.

– Помогите!!! – отчаянно закричала я, в надежде, что местные спасатели слегка глуховаты.

– Ааааа! – снова заорал вдалеке женский голос, намекая, что спасателей здесь не дождешься!

Мой телефон шлепнулся в воду. Болото чавкнуло и тут же всосало три моих зарплаты.

– Моя сладенькая, – снова слышался ласковый и тихий мужской голос. – Не бойся... Я не обижу....

Я пристально посмотрела на жабу, открывающую рот. Вокруг никого не было, кроме этой бородавчатой жабы. Жаба косилась на меня мутным глазом, надувая огромный пузырь.

– Хочешь, я подарю тебе шелковую ленточку или золотой гребешок? Что ты хочешь, моя сладенькая? Расскажи мне, и я подарю тебе это... – снова произнес тот самый страшный и

завораживающий голос, пробирая до эротичных мурашек. – Что же подарить тебе, моя сладенькая?

– Дорогая жаба... болотная! Подари мне «домой»! – попросила я, глядя на единственную – подозреваемую. – И телефон «подари» обратно!

– Что?!!! – слышался страшный голос. В этот момент голос перестал быть нежным и ласковым. – Ты назвала меня «жабой болотной»?!

– Хорошо, хорошо! – тут же исправилась я, видя, каким недовольным взглядом смотрит на меня жаба. – Не жаба... Нет... Лягушечка – Квакушечка? «Лягушечка – Квакушечка» тебя устроит?

– Да какая я тебе лягушка!!! Ты хоть ведаешь, с кем ты говоришь!!!

Теперь голос был страшен!

Он проносился над болотом. Мне показалось, что притихли даже огромные комары.

Они брызнули в разные стороны, оставив меня медленно погружаться в чавкающую топь. Даже любопытные лягушки отпрыгнули подальше. А жаба ушла под воду

– Помогите!!! – крикнула я. – Вытащите меня! Меня засосала опасная трясина!

Сильные руки схватили мои плечи, заставив податься грудью вперед. Сумка шлепнулась в мутную воду.

– Сладенькая моя, еще не засосала.... Поверь, еще не засосала, но скоро засосет, – полз по моей щеке бархатистый

волнующий шепот.

Мой взгляд упал на огромные руки с черными хищными когтями. На одной руке был массивный золотой браслет, сверкающий каплями воды.

– Что ты хочешь, сладенькая? Золото, серебро, шелк, парча... Выбирай... А цену ты знаешь... – самозабвенно и тоном нашептывал неведомый искушитель.

Я не видела его лица, только руки, которые медленно утягивали меня в трясину. Я была уже по пояс в болоте, чувствуя, как мою шею покрывают поцелуями соблазнительно – страстного шепота...

– Я одену тебя в золото, серебро и поцелуи, сладенькая моя... – слышался упоительный голос.

Только меня вот пугали жуткие руки с когтями, жадно скользящие по изгибам моего тела.

– Помогите, – пропищала я недобитым комаром, пытаюсь дернуться вперед. – Кто-нибудь... Спасите...

Это был уже не крик. Это был отчаянный шепот – мольба.

– Хватайся! – послышался противный голосок, похожий на голос из мультфильма. – Хватайся, ведьма! Пусти ее, чудище болотное! Не слушай его, ведьма! Хватайся!!!

Я лениво подняла глаза, видя, как на болотной кочке прыгают два черных, пушистых чертенка с рогами и копытцами. Один из них тянул ко мне толстую ветку. Второй держал первого за длинный хвост с кисточкой на конце.

– Беги, ведьма! Это же Хозяин Болот! – кричали мне чер-

ти, прыгая на кочке и размахивая веткой. – Он уже столько погубил!

Ветка больно попала мне по лицу, а с меня словно морок спал. Я дернулась, приходя в себя. Опомнившись, я увидела, что стою по пояс в болоте, почувствовала руки, которые пытаются утащить меня на дно...

– Не слушай их, ведьма! Это же бесы, – слышался вкрадчивый шепот на ушко. – Они тебя мучить будут! А мучить такую красивую девушку ни в коем случае нельзя...

– Мучить, значит?! – взвизгнул один чертенок, уперев руки в боки. – А ты как будто не мучаешь?! О! Еще как! Плавали, видели! Тонули, знаем!

– Разве я мучаю? – удивленно – сладко спросил страстный шепот на ушко. Рука скользнула по моей груди, цепляя огромные пуговицы пальто. И вдруг очутилась на моей шее. – Я могу дать ей золото, украшения... Все, что моя сладкая пожелает... А что можете дать ей вы?

– А мы ее магии научим! – крикнули бесы, пытаясь выловить меня веткой. – Ведьмой будет!

– Я могу научить ее много чему... другому, – слышался многообещающий сладкий голос совсем близко. Мурашки по коже заставили нервно дернуть плечом.

Даже не знаю, кого выбрать! Мысли метались от одной нечисти к другой! Потерянная, испуганная, я не знала, хвататься ли за ветку, или отдаться во власть страстного: «Сладенькая моя...».

– Хватайся, ведьма! – кричали мне черти, снова съездив веткой по лицу. Кажется, мне даже губу рассекли. Хорошо хоть глаз не выкололи!

Кого выбрать? Чертей или ... или...

По моему лицу и телу скользили нежные прохладные мокрые руки, намекая на правильный выбор.

– Руки прочь! Это наша потеряшка! Наша ведьма! Это мы ее потеряли! – кричали бесы, пытаюсь достать до меня веткой. – Раз мы ее потеряли, то ты обязан ее отдать!

Стоило им только выкрикнуть это, как случилось нечто странное! Меня резко отпустили. Исчезли и очаровывающий шепот, и сильные руки, и странный дурман.

Я упала в болото, пытаюсь кое-как выплыть. «Хватайся! Хватайся!», – слышались взволнованные крики.

Подняв перепуганные глаза на того, кого черти называли Хозяином Болота, я застыла от ужаса. Меня провожал оскал жуткой улыбки, застывшей на красивом лице.

– Зубы п-п-покажите! – попросила я чертей. Они переглянулись и тут же заулыбались. Зубки у них были маленькие, почти обычные. Так, выбираем чертей!

Я задергалась, панически ища мокрой рукой ветку с прилипшей тиной. По-крайней мере, черти не зубастые!

Так, вот омут! Вот черти! Вот ветка!

Ээээх!

В отчаянии я схватилась за ветку, не сводя перепуганных глаз с Хозяина Болот. Волосы у него были темные, с зелен-

цой. На голове корона из веток, с огромными драгоценными камнями, вправленных в витиеватую золотую оправу.

Кожа была бледной, сероватой ... Но это ничуть не умаляло какой-то сверхъестественной красоты. Но было в этой красоте нечто зловещее, пугающее, хищное. А именно – зубы!!!

Меня все еще трясло при мысли о страшных зубах! Вот как на таком красивом бледно – сером лице могут скалиться такие острые бритвы клыков?

Зеленые, как спелый крыжовник глаза смотрели на меня пристально. От этого взгляда мне становилось совсем нехорошо!

На таинственном зубоскале был на плащ, покрытый травой. Золотая застежка сверкала или драгоценными камнями, или просто капельками воды. Я так и не разглядела. На плаще среди травы даже росли цветы, над которыми кружились две маленькие беленькие наивные бабочки. Серо-зеленая рубаха напоминала лохмотья. Зато на сильной руке виднелся массивный золотой браслет.

– В следующий раз, когда рассказываете, что вы душка-лапочка, – простонала я, пытаюсь зацепиться руками за склизкий мох кочки. – Постарайтесь не улыбаться!

– Я обязательно учту, моя сладенькая... – послышался тот самый мягкий, чарующий голос.

Бесята втащила на кочку. Болотная вода текла с меня ручьями. Я трусливо вытащила ноги из воды, с ужасом глядя

на зубастое чудовище.

– Все дороги все равно ведут на болото, – прошептал Хозяин Болот, пряча страшные зубы. Теперь он напоминал красивого молодого мужчину. Но меня не обманешь! Я – то помню этот хищный оскал!

– Пойдем, ведьма! Пойдем! – скакали по кочкам бесята, таща меня за мокрое пальто. – Смотри под ноги!

Лишь ступив на берег, я выдохнула, кашляя мутной болотной водой, которой успела наглотаться.

– Пойдем! Пойдем! – зазывали меня куда-то, рассказывая что-то про ведьму, колдовство и старинную книгу. Мне было все равно куда идти! Лишь бы подальше отсюда!

Я послушно шла за бесами, которые смешно прыгали на своих копытцах по тонкой, извилистой тропинке, спрятавшейся среди трав.

– Ой, а че мы тебе покажем!!! – пытались заинтриговать меня. – Тебе понравится! Мы за тобой давно следили!

Странное чувство внутри заставило меня обернуться. Хозяин болот так и стоял посреди топи. Я видела, как он медленно подносит палец, испачканный в крови к губам, и с наслаждением облизывая его, не сводя с меня колдовских зеленых глаз.

Прижав руку к своей рассеченной веткой губе, я посмотрела на пальцы и увидела размазанный кровавый отпечаток.

– Сладенькая моя... Променяла любовь божества на каких-то убогих бесов...

– Не умеешь любить, сиди и дружи! – испуганно крикнула я, видя, какой улыбкой улыбнулись мне вслед!

– Мы – не «какие-то бесы»! Мы – Антипка и Анчутка! – обиделись бесы. Один из них показал хищному красавцу длинный розовый язык! Второй скорчил рожицу.

– Ник-к-огда больше не пойду на это б-б-болото! – я тряслась от холода, пытаясь уйти как можно дальше от этого страшного места.

– Еще как придешь, – пронесся смех над болотом.
Я резко обернулась.

Но на болоте уже никого не было. Только плавающие ветки, скрюченные деревья, зловещие огоньки, замшелые кочки и комары размером с ворону!

Глава первая. Бес меня, бес меня му-у-учит!

Тоненькая тропка петляла под ногами. Пейзажи вокруг становились все мрачнее. Густые туманы обволакивали деревья, пытались спрятать таинственную тропку, по которой меня тянули два разговорчивых беса.

Я была готова идти куда угодно, лишь бы подальше от этих страшных болот!

Сквозь отсыревшие деревья и седые травы вырисовывались убогие домишки, трусливо собравшиеся в большую кучку в уютной сырой ложбинке. Один дом стоял на отшибе, ближе к нам. С высоты холма казалось, что все домики делают: «Фу, пошел отсюда! Мы тебя не знаем!» или «Помогите! Спасите! Уберите его от нас!». Домику на отшибе было все равно. Он даже не пускал дымок, словно обиделся на всех.

Я еще не поняла, это он боялся остальных домов? Или они боялись его. Впрочем, мне было все равно.

Первая зелень пробивалась сквозь седину трав, даря этому миру капельку весенних красок.

— А если я туда пойду? — спросила я, осматривая унылые достопримечательности. Мы вышли на перекресток того, что с натяжкой асфальта можно было бы назвать дорогами. По спине побежал тревожный холодок. В высокой траве на пе-

рекрестке прятались старые, покосившиеся в разные стороны кресты – скворечники.

– Это что? – спросила я, с тревогой глядя на деревянные кресты.

– Это Ольховская росстань! – махнули пушистыми лапками бесы.

– А это – указатели? – прищурилась я, пытаюсь что-то прочитать на черном дереве. Может, там и были слова, но разобрать их я не смогла.

– Не! Это голбцы! Чтобы вот эти покойники дорогу домой не нашли! – беззаботно махнули лапками бесы. – Дома их не очень рады видеть! Мы их называем ДПС! Давайте Поскорее Сбежим!

– Ааа! – съежилась я, обходя кресты – голбцы.

– Уже лет пять отсюда никто не откапывался? Да, Антипка? – заметил один из бесов.

– Да, не! Года два! – спокойным будничным голосом заметил Антипка. – Как корову утащили из деревни, так все! Переваривают!

– А как отсюда выбраться? – спросила я, с тревогой обходя мрачное место трусливыми спешными шажками. – Куда ведет эта дорога?

– На болота! – вздохнули бесята, пока я всматривалась в унылый дремучий лес, обещающий столько приключений, что моя несчастная мокрая попа их не переживет.

– А вот эта! – ткнула я в противоположную сторону.

– Тоже на болота! – пожал плечами бесенок, вышагивая рядом.

– А вот эта! – спросила я, показывая на дорогу, ведущую в деревню.

– Эта в деревню! – ответили мне бесы, беззаботно вышагивая рядом.

– А за к-к-кладбищем что? – спросила я, все еще посматривая, не откопался ли кто на перекрестке. А то мало ли? Моим везеньем, если бы я была хомяком, меня бы выбрасывали на помойку уже раз пятый!

– Там за деревней кладбище! – махнул пушистой ладошкой бесенок и забавно прихрюкнул.

– А за кладбищем? – спросила я, прикидывая, где тут пролегает федеральная трасса.

– За кладбищем лес! – ответил второй, пока я всматривалась в кромку леса.

– А за лесом? – спросила я, прищурившись сильнее. На росстань опускался дремотный вечер.

– За лесом – болота! – радостно сообщили мне бесы. – Тут куда не пойдешь, кругом болота!

– Болота, значит, – поежилась я, вспоминая крыжовник чужих глаз.

Домишки окуривали пасмурное небо сизыми дымками. Пахло свинкой, коровой и чем-то прогорклым. Грязь под ногами напоминала болото. Я чавкала и скользила по ней, прикидывая, под каким деревцем похоронить шесть тысяч руб-

лей.

Мы направлялись именно к этому, соблюдающему все правила пожарной безопасности, дому.

– А где у вас тут можно п-п-позвонить? – спросила я у бесов, идущих рядом. Если честно, я их слегка побаивалась.

– Позвонить? Вон колокольню видишь? Забираешься на нее и звонишь, хоть на все четыре стороны! Колокол дергаешь, и орешь громко, что тебе надо! – заявили бесы, показывая на старую, почерневшую колокольню на пригорке. – Но лично мы этот поступок не одобряем!

– Потому что вы черти? – спросила я, опасливо косясь на пушистых проводников. Они не казались жуткими и страшными. Но все равно было как-то неуютно.

– Нет, просто там доски старые! Рухнешь, ухнешь и все! – развели руками бесы.

На хилый плетеный из веток забор взгромоздился щипанный петух. Он осмотрел подозрительным глазом окрестности, прикидывая, какое время суток!

– Кукаре... – начал он хриплым голосом, пытаясь удержать равновесие и хлопая крыльями.

Завидев бесов, он осекся, моргнул и свалился обратно.

Вокруг дома толпилась куча народу. От мала до велика. Все галдели и что-то обсуждали, стоя на почтительном расстоянии.

– Ты-ды-ды-ды-тышь! – стучала я зубами, растирая руки.

– Посторонись! Потеснись! Че встали! – кричали бесы, но

на них никто не обращал внимания. Зато все смотрели на меня. Мне вообще показалось, что бесов никто, кроме меня, не видит. На всякий случай я померяла себе рукой температуру.

– Новая ведьма... – шептались люди. Кутанные дети прятались за дородных матерей. Заросшие мужики хмурили кустистые брови. Даже собака Что-то Подозревака накинулась на меня с лаем.

– Старая ведьма помирает! – пронесли крики. И все уставились на домик.

– Тоже мне, культурно массовое мероприятие! – насупились бесы.

– А у вас здесь их много? – спросила я, мечтая побыстрее попасть в дом и согреться.

– Много! Похороны! Свадьбы! Степан напьется и бежит с топором! Ведьма помирает! Пожалуй, вот и все! – загибали черные пальчики бесы. Вместо носа у них были смешные розовые пяточки, которые хотелось прижать пальцем и сделать: «Бдзеньк!».

Домик был убогим и покосившимся. Над дверью был прибит черепок с рогами. Соломенная крыша капала прямо за шиворот. Ровные углы? Нет, не слышали! Поэтому дом то сужался, то расширялся, как ему заблагорассудится!

Хилая дверь была не закрыта, намекая, что брать в доме нечего! Под жадные взгляды толпы бесы втащили меня в дом.

На печи под серенькими одеялами лежала стонущая древняя старуха. Любопытные с развитым инстинктом самосохранения прильнули к мутным окнам. Те, кому еще только предстояло развить этот волшебный инстинкт потянулись за мною в дом: «Ой, а че там?».

– Разгони их! – крикнули мне бесы.

– Пошли вон! – сипло прикрикнула я без особого энтузиазма, пригибаясь под низким потолком.

Бесы переглянулись и бросились к бабке.

– Бабушка! Миленькая! Не вздумай помирать! – вскочил на бабку один из бесов. – На кого ты нас покидаешь, родненькая!

И при этом зыркали на меня.

– Так! Надо спасти бабку! – заметил один из бесов, доставая тонометр. «Пышь, пышь, пышь!», – надувался рукав на дряхлой бабкиной руке.

– Ааааа!!!! Бесы мучают! Помереть спокойно не дают! Ааааа! – заорала бабка, а все любопытные брызнули вон из избы. Приплюснутых рож в окнах стало больше.

– Давят... Давят... Чуть не задавили бесы проклятые! – стонала бабка, пока второй бес достал огромный рецептурный справочник.

Приплюснутых лиц в окнах стало в два раза больше.

– Давление низкое! – встревоженно заметил первый, соскакивая с печи и доставая вполне современный термометр, пытаясь засунуть бабке подмышку.

– Ай! Холодно! – стонала бабка, отбиваясь слабой рукой от беса с градусником. – Пошли прочь, проклятое бисово отродье! Заморозят бабку! Ох!

– Температура тридцать шесть! – выдыхал бесенок, спрыгивая с печки.

– Гайморит? – вопрошал второй, который со справочником. Он сидел на лавке, листая толстенную книгу. – Ба, у тебя нос заложен? Нет! Гангрена? Давай ей антибиотик дадим! На всякий случай!

Второй бегал, как угорелый, звеня блистерами таблеток.

– Пей, бабушка! Пей! Это таблетка! – сидел на груди бабки второй, пытаясь затолкать таблетку и дать стакан воды.

– Кхе! Душат! Кхе! Проклятушие! – стонала бабка, отмахиваясь от таблетки и воды.

– Что там? Что там? – бегал кругами второй, заглядывая бесенку с книгой через плечо. В избе было неудобно. Пахло сыростью, травами и бабкой.

– Читаю про геморрой! – вздохнул бесенок, почесывая рожки.

– Может, грелку? Может грелку? – суетился второй, таща бабке резиновую грелку с горячей водой.

– Ааааа! Бесы меня варят!!! – взвизгнула бабка. Бесенок снова достал грелку и приложил к щеке: «Вроде ж не горячая!».

– Гонорея? – удивился и с подозрением посмотрел на бабку первый бесенок.

– Давай мы ее мазью натрем? – предложил первый. Он исчез, а потом появился с пакетом лекарств с надписью «Аптека – друг человека! А цены – враг зарплаты!». – Вот! Натираем!

– Ой! – шарахнулись все от окна, когда с бабки слетело одеяло.

– Держись, ба! Мы тебя спасем! – натирали ее мазью бесы. Бабке на вид было сто с хвостиком. Мне казалось, что она еще гладила мамонтов.

– Печет! Печет! – визжала она, когда ее растирали знакомой мазью. – Жарят меня бесы! Как на адовой сковороде!

– Не, ба, ты не того! Мы тебе помереть не дадим! – причитали бесята. Они показались мне такими милыми. Вот только бабка так не считала.

– Одеями накрой ее! – ругались они, укутывая и бабку, и грелку.

– Во мучается! – слышался скрипучий голос за окном. – Ведьмы всегда тяжело помирают! Бесы их мучают! И эта все помереть не может! Надобно крышу снимать!

Ага, и мебель выносить!

На крыше слышались удары топоров. Они что? Действительно крышу разбирают?

И тут бабка посмотрела на меня. Она протянула дрожащую руку, словно хотела что-то сказать.

– Что такое? – спросила я, подойдя поближе. Бабка шевелила губами, но я не могла расслышать, что именно она

говорит.

– Простите, но вы не подскажете, как я могу выбраться отсюда? Извините, что не вовремя, – робко спросила я. – Может, тут автобус какой ходит?

– Ходит! Пешком по болотам! Закатав колеса! – подвинули бесята. Но бабка явно что-то пыталась мне сказать.

– А телефона у вас нет? – спросила я, осматривая избу. Пучки трав были, огромная черная книга с замком была, какие-то ступки-пестики были, веночки были, а телефона не было!

– Что такое? – прислушалась я, глядя на ее руку. Стоило мне подойти близко, как вдруг бабка схватила меня за кисть руки.

– Отдаю... – прошелестела она и... стала испаряться. Она рассыпалась пеплом, пока я в ужасе терла свою руку, делая неуверенный шаг назад. Что-то серое, похожее на сгусток тумана вылетело в крышу.

– Ба-а-абущка!!! – закричали бесы и зарыдали, ловя пепел в черные лапки. – Бабуська! Бабусечка...

– Эээх, – утер слезы один из бесят, уныло присаживаясь на лавку. Дверь не выдержала натиска соболезнающих.

– Новая ведьма! Старая ей силу передала! Гляди, какая молодая! – обсуждали меня так, словно меня не было.

– Красивая, – переглянулись мужики, пока я сидела на скамеечке, вжав голову в плечи.

– Сразу видно, простипома!!! – проскрипела какая-то

скрюченная бабка. И сплюнула.

– Втыкуха! – слышались голоса. – Марамойка! Хипесница! Шкирла! Сиповка!

– Тре-е-епушка! – пискнул ребенок. И тут же спрятался за мать.

Глава вторая. Посвящаю тебя стать моей неприятностью

Я с удивлением смотрела на народ, который разглядывали меня, как диковинку. Тактичность? Нет, не слышали!

– Втыкуха, – покачала головой вредная скрюченная бабка в старом платке. – К тому же еще и нечистая! Тьфу! Сразу видно, что ведьма.

Один из бесов сделал непристойный жест.

– Держите меня, я ей втащу! – орал он, воинственно размахивая кулачками. Как только он понял, что его никто не держит, как тут же вручил хвост второму: «Ты крепче держи!».

– Ой, втащу!!! – разбушевался бесенок. Хвост выскользнул из рук, а он тут же опустил кулаки и снова вручил кончик хвоста другу.

– Как всыплю! Мало не покажется!!! А меньше у меня нет! – воинственно орал он. – Ты, главное хвост крепче держи!

Согласна, после болота меня можно отдавать маме на стирку! Всю, как в детстве. В ботинках хлюпала вода, пальто было мокрым и стало почему-то серым.

– Ай-я-яй! Как не стыдно! Ведьма! Тьфу! Никогда к ведьмам не ходила! – распиналась какая-то баба, таща за собой

детей.

– А кто к ним ходит? Никто! – вторили ей голоса. – Ведьма! От них все беды! То урожая нет, то покойники с кладбища лезут! Тьфу!

У меня пока не появилось желание оживлять местное кладбище. Чтобы оживить суровый быт крестьян культурно –покойной программой. А что? Должно появиться?

– Да! Никакого проку! Вред один! Как сглазит, так все из рук падает! – кипятились жители, пока я даже не знала, что ответить.

Послышался галдеж, уверяющий, что хуже меня никого свете нет никого. Что я прямо сейчас побегу заломы делать! Если бы мне еще уточнили, что такое заломы, то я бы, наверное, подумала, делать их или нет.

Поорав, толпа стала расходиться.

– Ноги моей в этом нечистом доме не будет! – прикрикнул мужик какой-то. И грозно нахмурил брови, погрозив мне пальцем.

– Ведьмы нам еще не хватало! Старой еле сдыхались! А тут новая! – распинали меня, на чем свет стоит. Я сидела молча, даже не зная, что ответить.

Дверь закрылась, а я вздохнула. «Все! Можешь отпустить!», – выдохнул боевой бес, забирая хвост у друга.

– Я не хочу быть ведьмой, – поежилась я. – Отправьте меня домой.

– Поздно тебе домой! Никак отсюда не уйдешь! Все мы

тут во власти Хозяина Болот! Куда не беги – все его царство! Отрезал он от мира нашу Россоху! Никого отсюда не выпускает! Пускать-пускает, но обратно в мир дороги нет! – вздохнули бесы.

Один высморкал свой пяточок в старый бабкин платок, скомкал и прижал его к груди.

– Неужели? – ужаснулась я, вспоминая Хозяина Болот. Стоило мне только подумать о нем, как в избе запахло тиной болотной. Да так отчетливо, что я перепугалась. словно голос на ушко прошептал: «Направо пойдешь, в мои объятия попадешь! Налево пойдешь, в мои объятия попадешь! Прямо пойдешь, в мои объятия попадешь! Назад пойдешь.... Мне продолжать? Или сама догадаешься?».

– Ой! – испуганно дернулась я, вжимая голову в плечи. Голос казался таким реальным, словно я снова очутилась на болоте.

– И вот на тебя вся надежда! – вздохнули бесы. – Бабушка наша, как могла болота сдерживала! Да вот силы у нее мало было! Сможешь с Болотником совладать, вернем тебя обратно!

– То есть, погодите. То есть, сюда можно, а отсюда уже никак нет?!, – прошептала я, понимая, что мне придется остаться здесь, пока я не совладаю с Хозяином Болот.

– Ой, да тут и без него нечисти хватает! То дворовой кого-то поймал и отмутузил! То кикимора кур передушила! – махнули лапками бесы. Стоило мне глубоко вздохнуть, об-

думывая перспективы, как ... дверь в избу скрипнула.

– Помощи прошу, ведьмушка – матушка! – послышался елеинный голосок той самой бабы, которая детей уводила и плевалась громче всех. – Я тебе гостинчик принесла! Вот, пока тепленький! Лучшие отобрала для тебя, родненькая...

Она развернула платок, а там лежали красивые пирожки. Румяные, прямо сказочные.

– Погодите, – заметила я очень злопамятным голосом. – А не вы ли мне тут недавно...

И даже прищурилась, вспоминая крики.

– Ой, матушка, – завыла баба, качая головой. – Не серчай! Погадай на судьбу дочери моей старшой! На сносях она! Вот и сердце не на месте! Как разродиться!

– Пошли прочь! – обиженно заметила я, злобно зырая на бабу.

– Ой, ой, пойду, матушка! День видать такой, что гадать нельзя! Так бы и сказали, а гостинчики себе оставьте! – откланялась баба, исчезая за дверью.

– Это что такое бы-бы-было? – округлила глаза я, глядя на бесов.

– Привыкай, – вздохнули бесы, переглянувшись. – Это всегда так! Тебе еще посвящение пройти надобно! Сегодня ночью на росстань идти! В собаку лезть!

– В какую собаку? Я не помещусь! – ужаснулась я, чувствуя себя крайне неуютно. Вот вляпалась я! Теперь еще в собаку лезть! Они тут все с ума посходили?

– Ой, матушка! – послышался голос, а дверь снова скрипнула и отворилась. На пороге стояла та самая бабка, скрюченная как знак вопроса. Он еле-еле ползла, хватаясь руками за стены. – С гостинчиком я к тебе! Молочка козьего принесла! Спинку ты мою полечи!

– Вон отсюда! – страшным голосом крикнула я. Бабка, которая только что ходила по стеночке маленькими шажочками тут же шмыгнула за дверь. На пороге она растянулась и упала.

– Ох! – простонала бабка, вставая. И тут же замерла, прохрустевшись. – Ой! Спасибо тебе, матушка! Спинушка-то прошла!

Бабка подскочила резвой козой и тут же бросилась прочь, пока бесы смотрели на меня с уважением. Но я ведь ничего не делала! Я хотела уронить челюсть от удивления, но пол был очень грязный, и я передумала.

– Пойдем! Посвящать тебя ведьмы будем! – дернули меня бесы. – Время уже! А без этого никак!

– Это что такое происходит? – спросила я, слыша новый стук в дверь.

– А, это местные! К нам бегают! Как скопом соберутся, то хоть сжечь пытаются, то еще че-нибудь удумают! А как по одиночке, так «ма-а-атушка, спаси!». Привыкай! – развели руками бесы. – Думаешь, раньше по-другому было? Нет, все так же! Зато кормят, правда, тайком! Ты чего это расселась! Силу передали, теперь посвящение надо! Сначала разденься

догола! Без этого никак! Тебе просто силу не дадут!

– А голой дадут? – ужаснулась я, поплотнее запахивая пальтишко. Пусть оно и промокло насквозь, но все еще худо-бедно грело.

– Ритуал есть такой! – тормозили меня бесы. – Чтобы силу тебе дали ведьмовскую! Без нее ты никак колдовать не сможешь! Так, мелочи!

Я думала. Если есть хотя бы шанс выбраться, то им нужно воспользоваться! Ладно, один раз потерплю!

Снимая пропахший болотом плащ, стягивая кофту с ряской и стаскивая штаны вместе с хлюпающими сапогами, я чувствовала, как меня морозит.

– И волосы распусти! – командовали бесы. Я стянула резиночку для волос, обнажая тонкие запасы кальция и вечную косметическую инвестицию. Если все ожидали роскошный водопад шевелюры, то я расстрою их. Накладной хвост остался у меня в руках.

– Да, – переглянулись черти, пока я вытаскивала заколки.

– Ну? Посвящайте! Только быстро! А то мне уже холодно! – поежилась я, пританцовывая на месте.

– Так не здесь посвящают! Посвящают либо в бане, либо на кладбище, либо на росстани! – заметили черти.

– Баня! – тут же согласилась я. – Только учтите, я париться умеют только на работе!

– В бане не выйдет! Там банник лютует! – заметили черти. – Что-то он последнее время нервным стал! К нему со-

ваться – себе дороже!

– Тогда на кладбище! – согласилась я, вспоминая мрачные голбцы на росстани, поросшие сухой травой.

– На кладбище у нас контры! Хозяин кладбища уж больно недолюбливает ведьм! Эта старая бабка всех поименно знала! Бывало идет по кладбищу, со всеми здоровается. А кому-то еще кулаком грозит!

– Росстань? – уныло спросила я, пряча прелести руками. – Только быстро! Посвятились и хватит! И я сейчас накинута что-нибудь, а то до росстани дойти надо!

– Нельзя! – в один голос заорали бесы. – Так, ты свечи взял? Книгу взял? Валидол взял? Все! Мы готовы!

– А что это за посвящение? – спросила я, уже жалея, что на это согласилась. Мало того, что ноги мерзли, так еще и вид у меня был дурацкий.

– О, ничего страшного! Свечки зажжешь, книгу откроешь, прочитаешь, что там написано, появится жуткая, страшная собака. Ты в нее полезай! А там тебе все скажут! Ну, когда-то именно так и было!

– Нет, ты что ее так сразу пугаешь? Там лебедь зубастый появиться может! – возмущился второй бесенок. – В него тоже лезть надо! А там, кто силу дать согласиться, тот и придет!

Мне хотелось пройти это все побыстрее, чтобы избавиться от Хозяина Болот и вернуться домой. Если другого выхода не было, то придется потерпеть!

– Ну, чего встала! Пошли! – дернули меня бесята в сто-

рону двери.

– А таком виде? – ужаснулась я. – В чем мать родила? Мне что? По кустам шуршать, пока с голой попой до росстани добегу!

– Да не бойсь! Спит уже деревня! – успокаивали меня, открывая двери. И правда! В деревне было тихо. Даже свечи в окнах не горели. Лишь сизые дымки коптили пасмурное ночное небо.

– Поторопись! – тащили меня, пока я стыдливо пряталась кустами. Нет, зря я на это согласилась! А вдруг кто увидит?

– Долго же она, – вздохнул один из бесов, поглаживая черную книгу со старинным замком.

– Так она огородами пробирается! – махнул второй, пока я осторожными перебежками миновала кусты.

– Ааааа!

– Вот и до малины добралась! – вздохнул бес, сжимая черные, кривые и оплывшие свечи в руках. – А малина в этом году вон какая уродила!

– Ааааай! – взвизгнула я, перелезая через чужую оградку.

До росстани мы добрались без приключений. Не считая царапин от малины, которые я расчесывала. Теперь я напоминала кроваво-полосатого тигра в грязных носках.

– Вот! – показали мне на неудобный перекресток. Голбцы хранили молчание.

– Не бойсь, не откапаются! Им колы поставили! Двоечники они! Так, надеюсь, еще не истлели! – усмехнулись бесы,

расставляя свечи и книгу. Клуб любителей чтения голышом при свечах объявил свое первое и, надеюсь, последнее заседание.

— Обычно ведьмы в этот момент прихорашивают! Мало ли, с кем торговаться придется, — заметили бесы. — А явиться кто угодно может! Но ты смотри! Торгуйся! Меньше бесов, больше силы! Ну что стоишь? Читай!

Я осмотрелась, растирая озябшие плечи. Старинная книга открылась, знаки на ней засветились. Я не понимала и половины из того, что мне нужно было прочесть. Но меня согревала мысль, что ведьма способна улететь отсюда! И никакие болота ей страшны не будут!

Стараясь не пропустить буквы, я читала по слогам. Погода была безветренная. Свечи, похожие на черные кривые сосульки таяли на глазах.

У меня складывалось впечатление, что я читаю состав нового крема против ранних морщин.

Конечно же, крем был против ранних морщин. Он был глубоко возмущен этим фактом. Но дальше возмущения дело не сдвинулось. Он щипал, возмущался так, что на утро пристыженные морщины должны были покинуть лицо раз и до глубокой старости. Но морщины оказались глухи к мольбам. Крем возмущался до утра. Но морщинки победили!

Я была уверена, что ничего не случится. И даже расслабилась, разводя руками, мол, сделала все, что могла! Как вдруг позади себя почувствовала смрадное дыхание. Обер-

нувшись, я увидела жуткую псину, которая капала слюной мне на плечо.

– Все! Спасибо! Я передумала! – дернулась я, пятясь от ужаса. – Извините за беспокойство! Я передумала!

Но псина решила, что я в нее полезу, даже если я буду не очень с этим согласна. Если не вся, то хотя бы по частям!

– Помогите! – взвизгнула я, пытаюсь дать деру. Как вдруг псина увеличилась в размерах, отворила вонючую пасть, наминающую пещеру Алладина, схватила меня, подбросила в воздух и ... проглотила...

– Ой! – схватилась за сердце я, ощупываясь со все сторон. Вместо гостеприимных внутренностей, я очутилась в темноте.

– Эй, – позвала я, слыша эхо, как в пещере. – Здесь есть кто-нибудь? Где тут силу получить и расписаться!

– Какая встреча!– послышался до ужаса знакомый голос.

Глава третья. Договор – не приговор!

Запахло болотной тиной. Откуда-то повеяло сыростью. Я опустила взгляд на свои дрожащие колени. «А обратно из собаки как?», – заволновалась я, представляя огромного адского пса, сосредоточенно пытающегося вернуть меня обратно в ближайших кустах. Горящие глаза выпучены, хвост оттопырен, а я вылезаю, прощаясь: «Спасибо огромное! Теперь я – настоящая ведьма! Спасибо! Буду распоряжаться силой мудро и так далее...».

Почему-то место выдачи силы представлялось мне совсем иначе. Я представила горящую огненную кассу, в которую стоит целая очередь из голых колдунов и ведьм.

– Следующий! Распишитесь здесь и здесь! – слышится гнусавый голос из огненной кассы. – Следующий!

Но все здесь было совсем иначе!

Вокруг меня горели черные свечи, словно очерчивая круг. Пламя нервно дергалось, словно предупреждая меня об опасности, затаившейся где-то рядом.

– Кто здесь? – спросила я, слыша эхо собственного голоса.

Пламя свечей легло, чтобы тут же встать...

– П-п-почему молчите? – услышала я свой собственный встревоженный голос, пока стыдливо прятала прелести обе-

ими руками.

– Любуюсь, – слышался смех. Он был то здесь, то там. – Зачем пришла, моя сладенькая?

– Извините, я, видимо, ошиблась ... адресом, – поежилась я, видя зеленые глаза, вспыхнувшие совсем рядом.

С той стороны, где вспыхивали глаза, пламя свечей танцевало, как сумасшедшее. От страха мне казалось, что оно вот-вот погаснет!

– А где... этот... как его... р-р-рогатый... С которым торговаться надо? – робко спросила я.

– На зов ведьмы приходит тот, кто хочет взять ее... – слышался голос, сделавший многозначительную паузу, заставившую меня опасливо скосить глаза. – Под свою опеку. И поделиться своей силой... Как видишь, я всех опередил... Так, что ты хочешь, ведьма?

– Может, мне зайти в собаку попозже? – с надеждой спросила я, мысленно уже приготовившись подписывать контракт на коже некрещенного грешника пером девственного петуха, вырванного в двадцать восьмой лунный день. А тут ...

– Помолчи, – тихий голос был совсем близко. Настолько близко, что пламя свечей с одной стороны дрогнуло, но не потухло. Я повернулась в эту сторону, подозрительно щурясь в темноту. Зеленые, как спелый крыжовник глаза смотрели на меня с высоты приличного роста.

– Договариваться будешь со мной, – слышался тихий

голос Хозяина Болот с другой стороны. Я обернулась, снова видя страшные зеленые глаза. Пламя свечей с этой стороны дрогнули, заставив меня отшатнуться к противоположной стороне круга.

– А если я не хочу ... с вами? – осторожно спросила я, ежась от страха и холода. Еще бы! Тут тебя собака «ам-ам!», а потом голос знакомый.

«Собачка, собачка! Верни меня обратненько!», – умоляла я мысленно, поджимая руки к груди.

– Тогда останешься здесь, – рассмеялись уже с другой стороны. – А свечи твоего защитного круга уже прогорели на половину...

Что? Правда? На половину? Не может быть!

Я только и успевала оборачиваться, чтобы держать противника в поле зрения.

– Проси... – послышался голос неожиданно сзади, напугав меня. Я отскочила, чуть не уронив драгоценную свечу.

Просить? Как просить? Меня не предупредили, как вообще просить эту самую силу!

– А сила... эм... свежая? Тогда... Дайте мне, пожалуйста... эм... магической силы, – голосом, словно выбираю конфеты за спиной продавщицы, вежливо попросила я.

– Сколько? – послышался четкий вопрос. – Сколько силы тебе нужно?

Сколько? Как определить, сколько силы мне нужно, чтобы выбраться отсюда? В чем вообще она измеряется?

– Д-д-двести ... – прошептала я первое, что пришло мне на ум. «Ньютонов! Сколько вам можно говорить, что сила измеряется в ньютонах!!!», – расхаживала в памяти строгая учительница физики, одергивая костюм, похожий на ковер моей бабушки.

– Д-д-двести ... – смутилась я, пытаюсь изгнать образ физички. – Ньютонов!

Амперы накалялись! Я чувствовала, что прошу того, не зная чего! Мне казалось, что мне должны были молча выдать силу под роспись! И не задавать вопросов, сколько силы мне нужно!

– Хорошо, – послышался тихий смех. Свечи снова дрогнули, не пуская в мой круг зеленоглазую нечисть. Они предупредительно вспыхивали то там, то тут, предупреждая о его приближении к кругу.

– Для чего она тебе, ведьма? – послышался сладкий голос. Свечи предупредили, о том, что он сзади. – Почему ты дергаешься, ведьма?

– Просто стоять спиной к собеседнику, – оправдывалась я. – Не очень вежливо. А к таким, как вы, еще и страшно! Так, что за вопрос? А! Вспомнила... Для чего?

Мне показалось, что к защитному кругу потянулась черная рука, проведя по невидимой границе света.

Тут прямо, как с кредитом! А что? А для чего? А поручители есть? А квартира есть? Ну как же! Квартира под залог квартиры!

– Я планирую делать добрые дела, – заметила я, до конца не понимая, для чего нужна мне эта сила, кроме как сбежать отсюда!

– Тьфу! – слышался голос, а следом смех.

– ... Настолько добрые, чтобы кровь в жилах стыла от моей доброты! – тут же переобулась я, поглядывая на свои замерзшие ноги и свечи.

– Так, а это уже интересно, – голос был справа. Свечи подтверждали, роняя черные капли воска на красивую мозаику на полу. Интересно, где это я? Мозаика была зеленой с желтыми и розовыми вкраплениями.

– У меня поручители есть! – добавила я, вспоминая, как брала кредит. – Судимостей нет, справку о зарплате можете затребовать на работе... Ничем не болею... На учете не состояла, не привлекалась... Наклонностей и склонностей не имею...

Вот так я брала кредит на холодильник!

– Значит, сила тебе нужна, чтобы творить злые дела? – спросил знакомый голос, а глаза появились прямо передо мной. Я даже попятилась.

– Разные, – уклончиво заметила я, с тревогой глядя на свечи. Не говорить же ему, что сила нужна, чтобы его победить?

– Почему ты мне врешь? – слышался вкрадчивый голос Хозяина Болот.

– Я? Вру? – почти натурально удивилась я, осматриваясь

по сторонам в поисках того, кто тут может врать.

— Мне плевать, какие дела ты будешь делать, моя сладенькая, — слышался голос. А я прямо чувствовала, как меня уже облапали взглядом. — Я не люблю, когда мне врут...

— Хорошо, — выдохнула я, видя, что свечи выгорели больше чем на половину. — Я хочу вернуться домой... Такой вариант вас устроит?

— О! Совсем другое дело, — слышался смех. И все-таки! Мне уже интересно, где я? Похоже на большой зал. Только темно и ничего не разглядишь!

— Ну? Где договор? — спросила я, все еще прикрываясь руками. — Где нужно подписать?

— Как тебя зовут? — слышался голос, а я выдохнула с облегчением. Значит, скоро это кончится!

— Иванна, но только не смейтесь! — предупредила я заму-соленной до оскомины фразой. — Иванна Сергеевна Сусанина! Нет, не родственница! Просто родители — приколисты! Ждали мальчика! Мама хотела назвать Дианой, а папа уперся. И когда оформлял, пошутил! А паспортистка — дура!

— Иванка? — слышался голос. — Значит, Иванка? Или лучше Ива? Вот твой договор!

На границе света и тьмы застыла рука, сверкнувшая золотом браслета. Знакомые длинные когти держали тонкий лист, на котором значились незнакомые буквы. Когтистый палец прижимал перо...

— Тебе придется его взять, — заметил голос Хозяина Болот,

пока я жалась, как могла, прикидывая, как расписаться и не стать звездой журнала для взрослых.

– Достаточно протянуть одну ручку, взять перо и... – убеждали меня, но я грозно сверкнула глазами. И тут меня осенила гениальная идея.

Склонившись, я взяла перо зубами, пытаюсь нарисовать подобие своей росписи. Чернила были красные, словно кровь. Они капали на пол и пергамент, где красовалась моя огромная корявая роспись.

– Гфе ефе рафпифатьфя? – спросила я, сжимая в зубах перо.

Если что страховочку мне уже оформили. Я такого страха натерпелась!

– Это твой договор, – заметил голос Хозяина Болот. – Нам нужно скрепить наш договор!

– Тьфу! – выплюнула я перо, понимая, что степлера у меня нет. – Извините, «скрепкоплюя» у меня нет. Скрепочки тоже...

– Нет, – послышался вкрадчивый голос, Хозяина Болот. – Это немного не то...

– А! – закусила я губу, перехватывая руки так, чтобы ничего видно не было. – Вот!

Я протянула скрюченную руку для рукопожатия. Она при этом умудрялась еще и прикрывать часть груди. «Пока во-круг меня круг, он не сможет меня тронуть!», – утешала я себя, протягивая дрожащую руку чуть дальше. Эта мысль ме-

ня очень успокаивала.

– И все? – удивился голос в темноте, а светящиеся глаза прищурились на мои дрожащие пальцы.

– Я видела ваши зубы! – предупредила я, стараясь вежливо улыбнуться. Но сама в этот момент с ужасом вспомнила клыки. – И все!

Только бы не выйти за круг! Только бы свечи горели по-медленней!

– И как же я тебе, по-твоему, силу передам? И скажу свои условия? – послышался смех, а зеленые глаза опустились на мою руку. Пальцы дрожали от напряжения, потому что их пришлось высунуть за границу защитного круга.

– Так! – втянула я руку обратно. – И что же ты хочешь в обмен на силу?

– Я хочу... – послышался шепот совсем близко. – Хочу тебя, сладенькая моя... Твою кровь...

– Кровь? – ужаснулась я, ревниво оберегая свои литры. Ничего себе! – Нет! Я отказываюсь!

– Поздно, моя сладенькая, – послышался смеющийся голос. – Ладно. Подумаешь, успокоишься... Я же не всю кровь прошу... Это не больно... Это как поцелуй... Просто очень страстный... Но сейчас я предлагаю скрепить сделку. И от того, как мы ее скрепим, будет зависеть, сколько силы ты от меня получишь...

– Спасибо, не надо! – занервничала я, глядя на круг из черных свечей. – Я... Я передумала!

Я подняла глаза, видя высокий силуэт, стоящий на границе круга. Темно-зеленая рваная рубаша, штаны и сапоги с золотой вышивкой – выглядели так, словно он недавно купал кошку. Пояс из золотых пластин казался целой сокровищницей, взятой напрокат в каком-то музее. Корона из веток с золотым плетением сверкнула зелеными камнями, повторяющими блеск коварных глаз.

Темно-зеленый сапог сделал шаг в круг. Я с замиранием сердца ждала, как его отбросит в сторону... В этот момент все свечи разом погасли, а я застыла в серо-зеленой мгле. Что? Как?

– Круг! – ужаснулась я, видя сизые дымки погасших свечей под ногами. – Он же как бы...

– Не переживай, я отлично вижу в темноте и уже все рассмотрел, – слышался голос на ухо.

Меня сжали в объятиях...

– Что мне твои свечи! Это чтобы вы себя поспокойней чувствовали, – слышался голос, совсем близко. – Одно дело, когда вы нормально разговариваете. А другое дело, когда трясетесь и двух слов связать не можете! Поэтому мы и придумали для вас «защитный круг», который мы не нарушаем исключительно потому, что валяющееся в обмороке тело не сильно склонно к разговорам...

– То есть, вы его могли нарушить в любой м-м-момент? – ужаснулась я, чувствуя, в какой опасности была все это время. Но по сравнению с той опасностью, в которой я сейчас

– это ерунда!

– Готова скрепить наш договор? – слышался голос над ухом.

Глава четвертая. Брысь от меня!

– Нет, – испуганно прошептала я, чувствуя, как меня обнимают сильные руки, ловко поймав меня в свои объятия. У меня не было ни единого шанса вывернуться и спастись.

Меня поймали, словно птичку в клетку, но я все еще продолжала трепыхаться, затравленно озираясь по сторонам.

– Я слышу, как испуганно бьется твое сердечко, – шепнул голос мне на ухо, пока я из последних сил пыталась дернуться. – Пришла за силой, а сама брать не хочет...

– Оно просто очень впечатлительное. И помнит ваши зубы, – уперла я руки в его грудь, понимая, что все тщетно! Мне не вырваться! Я настороженно притихла.

Хозяин Топей и сам напоминал болото. Стоит попасть к нему, так уже не выпустит.

– Я тебя не съем... – утешали меня и гладили меня по растрепанным волосам, словно успокаивали ребенка.

– Не сегодня точно...

Зловещий смех окутал меня мурашками.

Тихие голоса внутри умоляли меня бежать! Бежать обратно к кругу. Их шепот сливался в хаотичный гул, заставив зажмуриться.

– Помни. Чем дольше выдержишь, тем больше получишь... – слышался голос возле моего уха. Руки скользнули по моему силуэту. У меня перехватило дыхание. – Все

честно...

Я почувствовала, как меня резко прижали к себе да так, что дыхание перехватило. Это было даже немного больно! Стиснув зубы, я отворачивалась, боясь встретиться взглядом с зеленью чужих глаз.

Его губы медленно раздвигали мои, заставляя замереть и не шевелиться...

Одновременно с этим его руки пришли в движение, страстно запутываясь в моих волосах. Что-то внутри дрогнуло... Кажется, впервые в жизни. Но я тут же одернула себя: это – просто ритуал...

Всего лишь сон. Просто сон... А руки – просто руки... Ничего, завтра я проснусь... Обязательно... Он страстно вынимает душу поцелуем, но это – всего лишь сон. Это не реально... И я ничего не вижу. Только чувствую.... И содрогаюсь, вцепившись, как клещ в его одежду.

Я чувствовала себя такой беззащитной в его руках под натиском зловещего поцелуя. Мое тело сминали жадными объятиями. По моей спине скользили когти, словно решая, что вырвать первым. Сердце или душу?

В мои полуоткрытые губы вместе с поцелуем медленно втекал горький яд, заставляя жадно глотать его и тут же задышаться им.

Стоило мне ощутить боль от его властных рук, я вздрогнула в его руках от необузданной страсти, пропитывающих мои губы терпким ядом.

Под страстным натиском его губ я теряла нить, связывающую меня с реальностью.

Я покачнулась, глядя невидящим взглядом куда-то в темноту. Мои глаза расширились, словно видели то, что не должен видеть никто... Все мелькало ужасно быстро, и я не успевала толком ничего разглядеть...

Древние звезды зависли над шепчущими лесами, отражались в прудах, откуда выныривали бледные девушки с тускло мерцающими глазами, глядящими в пустоту... Небо затягивалось тучами, а выше деревьев бродила огромная бесшумная тень, закрывая собой луну... На пустых дорогах являлись странные люди с горящими и жадными глазами, словно высматривающими кого-то ... Поля золотой пшеницы колыхались, а по ним шла красавица – невеста, с серпа которой капала кровь... А черными воронами с деревьев взлетала затаившаяся смерть, подкарауливающая случайного путника.

Я вцепилась в его рубашку, разрывая ее руками. Страсть его губ порождала жуткие и невероятные образы, от которых все тело дрожало, а колени прогибались.

Мои руки порвали его рубашку, потянув вниз, сорвав драгоценность с его шеи. Она звякнула о каменные плиты пола.

Я явственно чувствовала привкус крови на своих губах и выгибалась от его нечеловеческой силы. В глазах темнело от каждого его выдоха в мои губы.

Вкус горьких пряных трав смешивался с волнующей упительной болью и трепетом.

Его пальцы переплелись с моими и потащили меня за собой в страшный омут... Или я покачивалась, теряя равновесие, или пол под нами превратился в тот самый омут, в который мы медленно погружались, сливаясь в страшном, небываемом поцелуе...

– Аааааа! – закричала я, сжавшись всем телом и глядя невидящими глазами в темноту.

Задыхаясь, я прижалась лбом к его груди, вздрагивая и ужасаясь тому, что теперь творится внутри меня.

Мои перепуганные и растерянные глаза смотрели на мои дрожащие руки, пока я приходила в себя, жадно глотая воздух.

– Хочешь такой силы, которой еще не знала ни одна ведьма? – прошептали мне, со страстным и вожденным нажимом глядя мои плечи. – Я могу дать тебе ее, если ты ... согласишься...

Сердце пропустило удар.

– ... на большее... – послышался шепот, который прошелся звоном по всему телу.

У меня мгновенно вспотели ладони, и сердце пропустило еще один удар.

Когда мне наконец удалось кое-как перевести дух, Хозяин Топей отодвинулся и со странной иронией посмотрел на меня. Я сразу поняла, что это была именно та степень близости, которая требовала ритуала.

Но не та, на которой настаивали его жадные руки. Смысл

его слов только-только дошел до меня, постучался, переминаясь на пороге. Я поняла, что он ждет ответа. Поэтому не выпускает меня из объятий.

Так, хорошо... И силы хотелось... А то вдруг мало взяла? Мои руки кровожадно сжали лохмотья на его груди.

– Хочу... – сладко прошептала я, склонив голову на бок и потряхнув волосами. – Только силу вперед, а то знаю я... Утром о силе даже не вспомнят...

– Боишься, что я не выполню обещание? – слышался раскатистый смех. – Хорошо...

Хозяин Топей снова прикоснулся губами к моим губам, заставив захлебнуться силой... Косясь одним глазом, я медленно, но уверенно тянула его в сторону погасших свечей...

Если я так пришла, то так смогу вернуться... Откуда-то у меня появилась странная уверенность. Может, ее давала сила, а может, я просто надеялась на свое везение...

В последний момент, когда нога еще чуть-чуть и шагнула бы в круг, я оттолкнула его, чувствуя, как мои пальцы загорелись. Но Хозяин болот не упал. Он покачнулся, рассмеялся, но тут же сузил глаза, понимая, куда я устремилась. Значит, я все делаю правильно!

Меня попытались схватить.

– Я просто припудрю носик! – выкрикнула я, чувствуя, как проваливаюсь в темноту.

– Эй, ведьма! – трясли меня за плечо.

Я нехотя открыла глаза, выдохнула и почувствовала, что

лежу на скамейке, бережно укрытая одеялом. Предплечье что-то сдавливало, а я дернула плечом.

– Пышь, пышь, пышь, – работал тонометр в пушистых лапках одного из бесов. – Ой! Очнулась! Гляди! Очнулась!

– И?! Дали? – заскочил на меня второй бес.

– Нет! – нервно дернулась я, вспоминая страшный взгляд обманутого мужчины, уверенного в своем очаровании... «Убью!», – прошептали его губы перед тем, как я исчезла в темноте.

– Да что ты так нервничаешь? – переглянулись бесы, не подозревая, какого размера неприятности ожидают меня при следующей встрече. Один из бесов шмыгнул пяточком. – Сколько дали? Ну, рассказывай! Кто там был?

– Двести ньютонов дали, – проворчала я, садясь на скамейку и обматываясь одеялом. Я сверкнула глазами, морщась и прикасаясь к распухшим, зацелованным губам.

– Ты два дня лежала! Мы уже скорую вызывать хотели! Реанимировали тебя, как могли! Сначала дали слабительное, потом антибиотик! Потом дали средство от поноса! Потом жаропонижающее! Короче, все, что у нас было! – нервничали бесы, показывая тонометр, таблетки и справочник, открытый на странице «Желудочная колика».

– Кто был? – пристал ко мне один из бесов, а я так и не знала, кто это: Антипка или Анчутка, – Кто пришел? Нет, если наши, то я всех знаю!

– Никто!!! – рявкнула я, нервно кутаясь в одеяло и злоб-

ненько сопя на весь мир. – Никто не пришел! Никого не было!

Я снова провела языком по зацелованным и припухшим губам.

– Что? Прямо вообще никто не пришел? – заглядывали мне в глаза с подозрением. – Не может такого быть!

– Никто, – проворчала я, пряча под одеялом царапины от чужих когтей.

Внезапно старенькая дверь заходила ходуном. В щелях мелькнула чья-то жуткая тень. Послышалось жутковастенькое завывание.

– Эй, домовой! – проворчали бесы. – Поди разберись! К нам нечисть какая-то в избу ломится!

– Я и из-за печки покричу. «Пошел вон!!!», – слышался скрипучий голос.

За дверью кто-то ходил и подвывал. Потоптавшись и сообразив, что дверь гостеприимно не распахнется, этот жуткий кто-то ушел.

– Ушел? – слышался скрипучий голос из-за печки. – Во-о-от!

– Ты гляди, как у нее глаза светятся, – переглянулись надоедливые бесы, сидя на мне. – Зеленые... Болотные... Погоди!

Я замерла, словно меня поймали с поличным.

– Нет! – буркнула я, кутаясь в старенькое одеяло и пряча румянец, который накатывал на меня каждый раз, когда я

вспоминала нежные и жадные руки. – Никого не было! Никто не пришел! Так, бес какой-то... Поговорили, постояли... И ничего не было! Он мне силу, а я... я расписалась где надо! Все!

Щеки полыхали пожаром, пока я ковыляла к деревянной площадке с водой.

– Ничего себе! Я впервые такое вижу! Ты чувствуешь, сила какая от нее идет? – слышалось за спиной, пока я жадно пила воду, пытаюсь погасить пожар внутри.

– Мне кажется, мы просто с таблетками переборщили! Смотри какая нервная! Надо было ей всю пачку успокоительного вместе со слабительным сыпать! А не половину!

Я нашла какую-то рубашу, натягивая ее на себя. Так! На болота я больше ни ногой, ни рукой, ни головой, ни другими частями тела!

– Раз рассказывать не хочет, так надобно самим все разузнать! – переглянулись бесы. – Ты пока посиди, а мы мигом! Ты вон! Книгу осваивай пока!

И бесы бессовестно исчезли, бросив меня одну в старой избе.

Я отходила, кутаясь в старое одеяло, и смотрела на старинную черную книгу. Страницы у нее пожелтели от времени. Зловещие символы напоминали буквы. А на каждой странице была картинка, нарисованная от руки. Причем, довольно красиво.

Я открыла ее на первой попавшейся странице и встре-

тилась глазами с... Хозяином Болот. Он улыбался зубастой улыбкой, глядя ядовитым взглядом.

– Да что ты будешь делать! – разозлилась я, перелистывая страницу... Так, это у нас растения... Вот у нас заговоры... Интересно!

В окно послышался стук, заставивший меня вздрогнуть. Кто там пришел?

– Кто там? – опасливо спросил домовый из-за печки. У меня не было сил даже удивляться, что здесь есть домовый. – А! Девка какая-то пришла на ночь глядя!

– Никого не принимаем! – поежилась я, вспоминая подвывания.

Но дверь уже открылась, а на пороге мялась девица со свертком.

– Вот, матушка – ведьмушка, – елеинно проворковала де-вушка, – Принесла тебе гостинчик...

Она развернула, а оттуда высыпались красивые алые бусы.

– Приворожи парня! – умоляющим голосом попросила девка.

ка.

Глава пятая. Конечно Вася! А кто его не знает?

Я смотрела на перепуганную девицу, которая жалась в дверях. На ней была рубаха, подпоясанная расшитым пояском. Тяжелая коса с шелковой лентой вызывала у меня приступ мучительной зависти.

– Приворожи, ведьма- матушка,– проскулила девица, заглядывая мне в глаза.

– Нет, до свидания! Я приворотов, отворотов, не делаю, лампочки не вкручиваю! У меня отвертки нет, – нервно пошутила я, вежливо взглядом выпроваживая девицу за порог.

– Не приворожите – пойду, утоплюсь! – горестно воскликнула девица. – Или прямо перед домом у вас удавлюсь! И всем скажу, что ведьма погубила! Все знают, куда я пошла!

– Что?! – ужаснулась я, отвлекаясь от книги. – Так, иди сюда! Я силой втащила девку в дом и усадила на скамейку.

Девица сложила руки на коленях, зыря по сторонам. Из ее платочка виднелись шелковые ленты, гребень и нитка бус.

– Солнце мое, ясное, – терпеливо начала я, подсаживаясь ближе к насмерть перепуганной девке. – Пойди, отдохни и подумай! А надо ли тебе оно? Если мужик не любит, то зачем насиловать бобика? Зачем натягивать мурзика на глобус? В любви все просто! Не хочешь любить – не мучай гормоны!

Ну не любит, найдется тот, кто полюбит! Делов –то! А то что?

В этот момент я представила бедного мужика, который даже не в курсе, что его тут привораживать пришли!

– Привяжу я его к тебе магией, а дальше? Бегать будет к тебе, но любить не будет!

Я осторожно, как начинающий врач, открыла книгу на приворотах, читая все, что написано. И на всякий случай подглядывала, а вдруг что не так скажу? Волосы на голове зашевелились. Я взглянула на гостью, решив, что мне проще взять веревку, отловить ее Васютку и привязать к ней на морской узел.

– Мне навсегда надобно! – всхлипнула девка, а ее руки дрожали.

– Как тебя зовут? – спросила я, листая книгу и ужасаясь предложенным приворотам.

– Марусенька, – вздохнула девица, нервно теребя тугую толстую косу с шелковой лентой на конце.

– А если кто появится, полюбит? Этого куда денешь? – развела я руками. – Будет у вас под кроватью жить? Тапки суженного сторожить? Или где? В огороде ему будку сделаешь? Ну подумай сама! Ты вон какая молодая, красивая! У тебя еще все впереди! И запомни, не один мужик не стоит, чтобы ты ради него ... Запомни! Топиться только в глазах! Вешаться – только на шею!

Я была красноречива, как никогда. Уже через десять ми-

нут я расхаживала по скрипучим половицам, размахивала руками, объясняя, что ни один мужик не стоит того, чтобы играть в Муму в ближайшей луже!

Девушка кивала, соглашалась и теребила бусы в платке.

– А потом мне что? Отвораживать? Так мы ж навсегда приворот делаем! – пылко заметила я, снова пролистывая книгу. – Если любовь придет? Настоящая? Так что ты эти глупости брось!

Красавица кивала, соглашалась, опустив голову.

– Я все поняла, – покивала девушка, нервно перебирая бусы. – Только Васютку приворожите... Чтобы других девок не замечал!

– Мне проще его отловить и глаза выколоть! Гуманней будет! – ужасалась я, читая привороты и поглядывая на Марушку.

– И чтобы от меня не ушел никуда! – вздохнула Марушка, то сплетая, то расплетая косу.

Ой! Вы серьезно? Я нахмурилась, читая очередной приворот. Да мне проще подкараулить его и ноги ему сломать! Он потом еще спасибо скажет, узнав, от чего я спасла его!

– Привяжи его ко мне, ведьма-матушка, – понурилась девушка, нервно перебирая свои сокровища. – Да накрепко!

– Сейчас ведьма возьмет веревку и будет твоего Васютку ловить! – обиделась я, понимая, что говорить с ней бесполезно. И отпускать тоже нельзя!

Только сейчас я заметила, что ее запястье перемотано. На

тряпице виднелось коричневое пятно крови.

– Что с рукой? – спросила я, видя, как девка нервно зыркнула на меня, ревниво пряча повязку.

– О забор накололась, – спешно ответила она. – Так приворожите Васютку?

– Хорошо! – вздохнула я. – Приворожу! Еще раз? Как его там?

– Вася, – вздохнула девка, снова теребя свои сокровища. – Ваську-то моего все знают! Первый парень на деревне!

– Отлично! – заметила я, водя носом по старинным символам. Я не сильно верила в привороты. Зато верила в идиотов.

Я очень надеялась, что сейчас с умным видом пошепчу какую ерунду, девка успокоится и немного поумерит свой пыл.

Содрав со стены первый попавшийся под руку пучок трав, я стала водить им в воздухе.

– ... Пусть... эм... Василий, души не чает в Маруське, пусть привечает... – сочиняла я на ходу, поглядывая на Маруську, которая застыла с открытым ртом. – Пусть ... эм... проходу не дает! Пусть только к ... Маруське идет!

Дальше я не придумала. Но очень надеялась, что подействует!

Поводив травой перед носом Маруськи, я только собиралась ее убрать, как вдруг глянула на траву.

К моему удивлению трава в руках загорелась зеленым све-

том. Я и сама не верила своим глазам. Неужели этот Властелин Комаров все-таки слово сдержал?

– Ой, благодарствую, матушка, – рассыпалась в любезностях счастливая Маруська, оставляя мне узелок с бусами.

Я посмотрела на траву, горящую зеленым в руках, и осторожно положила ее на стол. Из узелка высыпались ленты, бусы и ... золотой гребень.

– Ничего себе! – удивилась я, рассматривая гребешок. Он сверкал драгоценностями, пока я с подозрением смотрела на зеленые камни, напоминающие чьи-то глаза. Я дернулась, чувствуя, как наперегонки сжались сердце и попа.

Вечер подкрадывался незаметно. Бесы еще не вернулись. За печкой кашлял домовой. Я сидела, опасливо глядя на двери и читала книгу. Где-то вдалеке слышалось пение, как вдруг мне чуть не выбили дверь стуком.

– Открой!!! – послышался женский визг, от которого я вскочила, как ужаленная.

Дверь отворилась сама, а мне навстречу вбежала Маруська. Рубаха на ней была порвана, венок съехал на бок, а в глазах был такой ужас, что словами не передать!

– Что ты наделала! Ведьма проклятая! – визжала Маруська, цепляясь за меня.

Следом за ней слышался топот.

– Марусечка! – слышались мужские голоса. – Сердце мое!

Недолго думая, я закрыла двери, подпирая их тяжелой скамейкой. А следом на скамейку я втащила тяжеленный

сундук.

– Ой, горе мне! – выла Марусечка. – Ты мне кого приворожила!

– Васю, как и просила! – рявкнула я, удивляясь, как смогла поднять такой тяжелый сундук.

Выглянув в окно, я увидела восемь распаленных мужиков, настойчиво решивших снести мою избушку. Маруся сидела возле печки, обняв колени и тряслась!

– Ой, Марусечка!!! – слышался мужской голос. В окне появилась рыжая борода и покрытое веснушками лицо. – Свет очей моих!!!

– Это кто? – спросила я, видя, как упорно ломаются в мою избушку.

– Это Васька Рябой с Мельницы! – визжала Маруська.

В другом окне елозил еще один мужик. Один глаз у него был, как бы закрыт, словно в него что-то попало, зато второй распахнут.

– Это твой Вася? – спросила я, глядя на перепуганную Маруську.

– Нет! Это Васютка Кривой! – взвизгнула Маруська.

К окну пробился старый дед, он клюкой разгонял остальных.

– Это дед Василий! – ревела на полу Маруська.

– Ой, люблю, не могу! – орал дед, пытаясь клюкой разбить окно. – Пошли прочь! У меня, может, така любовь в последний раз! Скоко не шевелилось, а тут как зашевелится!

Я выглянула в окно, видя, как по двору без штанов бегают еще какой-то парень.

– Этот что ли? – ужаснулась я, таща Маруську к окну.

– Нет! – шмыгнула она носом. – Это Васютка – Дурачок с околицы!

– Мьяяяяяу! – орал кошачий голос.

– Хочешь, я догадаюсь, как кота зовут? – мрачно вздохнула я, пытаясь держать оборону.

Дверь под натиском страсти не выдержала. Сундук перевернулся, а скамейка отъехала в сторону.

Я схватила стул, готовясь держать оборону! Маруська забила под печку, пока я воинственно отмахивалась стулом от Васютки – Дурачка с околицы. Зато справа напирал дед Василий! Остальные представители прекрасного имени Вася решили заходить со всех сторон.

– Ой!!! – взвизгнула Маруська, пока я щедро пыталась остудить пыл влюбленных Василиев прицельными ударами в места не столь отдаленные, но очень чувствительные!

Васютка- Дурачок хоть и бегал со спущенными штанами, был самым проворным! Одним метким ударом я чуть не отбила ему будущую династию. Зато справа нахрапом лез Вася Кривой! Я замахнулась стулом и теперь Васю придется переименовывать! Волосы липли к лицу, позади слышались всхлипы.

– Вот он мой! Мой Васенька! – кричала Маруська, тыча пальцем в нашествие Вася. – Васеньку моего не трожь!

Кот прошмыгнул у меня между ног, и с радостным мурчанием бросился к Маруське.

Так, какой из них ее? Я что-то немного растерялась в обилии Вась. Пока я проводила коррекцию кармы и прочищение чакр стулом, Маруся визжала, как сирена.

В дом вползло нечто, покрытое землёй. Следом, качаясь и утробно урча, вошли еще двое. Вид у них был, как у ливерной колбасы.

– Иииии! – пискнула на ультразвуке Маруська. – Это же Васька Меньшой и Васька Старшой! Их по весне схоронили! А то... Васька Дырявый!!!

– Домовой!!! – заорала я, пытаюсь отбиться стулом.

– Че? Э, не! Я и отседова поругаюсь! Пошли прочь! – кряхтел домовой за печкой. – Ты меня кормила? Нет! Поила? Нет! Вот чем мог, тем помог! Покойников зарывайте сами!

Нас зажимали в угол!

– Ты по Васеньке моему не попади! – умоляла Маруська.

Из печной трубы еще кто-то упал прямо на пол. Пепел и сажа заставили меня закашляться. Теперь все Васи были на одно грязное лицо!

– Ну че! Развели все! – слышались знакомые голоса.

– Помогите! – взывала я, ломая стул об какого-то Васю. Надеюсь, не нашего.

– А ну брысь! – завопили бесы.

– Ой, да не видят они нас! – дернул один другого.

– Сейчас увидят! – послышался голосок кого-то из бесят.

И тут Васи замерли, видя, как перед нами вырастают два беса. Маруська тут же в обморок упала. А Вась, включая мертвых, из хаты, как ветром сдуло. Даже окна выбили...

– И любовь за собой уберите! – возмутилась я, размахивая чьими-то штанами.

Я выбросила их из дома.

– Ох, – выдохнула я, оседая на пол с остатками стула.

– Ты че удумала! Ты, когда привораживать будешь сразу спрашивай! Какой? Васька Хромой? Васька Кривой? Васька Рябой, дед Василий! – распинали меня бесы, пока я растирала сажу по лицу, приходя в себя. – Ничего, всех отворожили, всех отвадили!

– Я вообще не собиралась приворот делать! – возмущалась я, таща Маруську в сторону скамейки. Та внезапно глаза открыла, вскочила и дернулась в сторону двери. Только дверь ходуном заходила.

Я сидела на скамеечке, глядя на свои руки.

– Учиться тебе еще и учиться! – заметил бес, который сидел справа.

– Да! Пока научишься, вот тады и роды принимать сможешь! – толкнул меня локтем второй.

– А кто из вас Антипка? Кто Анчутка? – устало спросила я, обещая никого больше не привораживать. Никогда!

– Она нас не различает! Во дела! У меня глаза хитрые! А у Антипки глаза умные! – пояснили бесы.

Как вдруг дверь чуть не выломали. Я вздрогнула, уже планируя хвататься за стул, как в избу вбежала та самая баба, которая погадать просила.

— Ой, горе, матушка — ведьма! — завывала она с порога.— Как прознала, так сразу к тебе кинулась! Дочка моя, Акулинушка, рожать решила! Мы ее в баню, а ее... банник не пускает!

Глава шестая. В карты на кожесдиране!

– Что? В баню?– шепотом возмущалась я, чувствуя себя крайне неудобно. – Нет, ну я могу сходить поговорить... Но результат не гарантирую!

По мою душу уже стояла целая мрачная процессия с факелами. Я опасливо высунула нос, понимая, что нашествие Васюток – ерунда по сравнению с тем, что ждет меня сейчас.

– Куда! – взвизгнула я, чувствуя, как меня хватают и тащат. – Я гель для душа забыла! Полотенце! И шлепки! Мало ли, что у вас там в бане водится!

– У нас в бане много чего водится! – слышались голоса селян.

– Я про грибок! – возмутилась я, понимая, что моего мнения никто не спрашивал! А ничего, что я еще ничего толком не умею?

– Чудная! – послышался чей-то гнусавый голос.

– Лопочет что-то по свойски, по ведьмовскому! – обсуждали меня за спиной крепкого мужика, который тащил меня вперед попой.

– Втыкуха! – сплонула бабка, которая ковыляла, опираясь на узловатую палку.

– Шкирла! – согласились все, пока я требовала отпустить

меня!

Теремок стоял возле речушки, которая уныло протекала вдоль деревни. С виду он напоминал сарай. Вокруг все поросло травой, дверь была закрыта. В кривом оконце горели свечи.

– А идите-ка вы в баню! – возмутилась я, пытаюсь одернуть задравшуюся рубаху.

– Туда и идем! – подхватили селяне, воинственно размахивая мной. Видимо, в качестве акта устрашения нечисти.

– Аааааа! – хваталась за огромный живот девица. И мучительно стонала, пока меня добрые люди толкали в сторону банной двери. – Ой! Ах! Не могу уже!

– Вот! Ведьма – матушка! – все сразу стали подозрительно вежливыми. Я уже усвоила, что раз все стали вежливыми, то где-то меня поджидает неприятность. И чем вежливей становились люди, тем больше масштабы неприятностей!

– Тук-тук! – постучалась я, слыша, что в бане кто-то есть. Стоило мне обернуться, как я увидела, что вся деревня уже стояла на расстоянии: «Ты чихни, а мы в окопе!».

– Третий пар уже спустили, небось! – негромко переговаривались бабы. – Нельзя в баню после третьего пара! Банник кожу снимет! И после захода солнца нельзя! Там черти веселятся!

После таких новостей мои коленки дрогнули. Дрожащая рука все не решалась лечь на ручку и открыть дверь в обитель чисто вымытого зла.

– Ой! – простонала роженица, решив рожать именно сейчас!

Я трусливо пыталась в запотевшем оконце разглядеть, кто там так шумит. Шумели там так, словно проходила сельская дискотека.

– Извините, к вам можно? – робко-робко спросила я, словно вежливо интересуюсь, когда освободится сельский туалет. Но ни на чем не настаиваю!

За шумом, который доносился из бани, будоража тишину темной ночи, меня явно не слышали.

Дверь внезапно открылась сама, заставив меня отпрянуть с поднятыми вверх руками. Я ничего не трогала! Оно само!

– Ох, еле успели! – слышались знакомые запыхавшиеся голоса бесов. – Ты там это! Понаглее! Поняла?! Пришла! Прикрикнула, ногой топнула! Глазами зыркнула!

– Представь, что ты соседка снизу! Да! – подзуживал меня один из бесят. – Пришла, руки в боки уперла, наорала, подзатыльниками всех повыгоняла! Поняла?!

– Д-д-да, – кивнула я, нервно сглатывая. Соседка снизу.... Хорошо... Поняла... Фу-у-у-ух!

– А почему именно в бане? – возмутилась я, разводя руками. – Неужели других мест нет?!

Мне до ужаса не хотелось идти и разбираться с местным бомондом.

– Как почему?! – переглянулись мои бесы. – Банник должен защитить мать и младенца от нечистой силы! Все в бане

рожают! Иначе утащат! Но и в бане нужно быть внимательным, чтобы дитя не подменили! Поэтому тебя и позвали!

Я развернулась на носке, собираясь идти прочь.

– Не бойся! Там мелочь одна! Да так с десяток мелочи какой-нибудь набилось! – утешали меня бесы, поворачивая обратно в сторону бани. – Ты их мигом разгонишь! Помни! Лицо суровое! Брови нахмурь! Еще хмурь! Морда-кирпич!

Я обернулась на село. Те отошли на настолько безопасное расстояние, что их с трудом можно было разглядеть в темноте.

– Так, репетируем! – настраивали меня бесята, бегая вокруг меня.

Я нахмурила брови, повела плечом и расставила босые ноги пошире.

– А ну пошли вон! Брысь отсюда, нечисть! – выдала я очень грозным полусшепотом.

Бесята переглянулись. Один из них скукожился и показал рукой что-то вроде: «Так себе!».

– Я же тебе говорю! Мелочь там бесится! Видишь, третий пар уже был! Да и ночь на дворе! Вот и собралась нечисть в бане! До петухов будут сидеть! – махнул пушистой лапкой бесенок справа. – Но оберег держи! На всякий случай!

Мне на шею надели какую-то веревочку с уродливой вишюлькой.

– И вот возьми!

Мне снова пришлось подставить голову, чтобы пуши-

стые лапки беса нацепили на меня еще несколько украшений, напоминающих косточки, обмотанные нитками, черепки птиц и прочие производные декоративно-прикладного кружка для маньяков от шести и больше лет строго режима.

С оберегами было как-то спокойней. Поэтому я решилась!

– Ладно! – вздохнула я, приоткрывая с душераздирающим скрипом старенькую дверь. В бане было темно и тихо...

– Странно! – удивилась я, видя, как в мрачной синеве вырисовывается предбанник. Стоило мне сделать шаг назад, недоверчиво глядя в окно, как я увидела свет и мелькающие тени.

Я вошла в притихшую баню, как вдруг... Мне показалось, что я переступила какую-то невидимую границу между предбанником и баней. В глаза ударил свет, слышались голоса, смех и гармонь.

– О, великая наглость! Дай мне силы! – прошептала я, сжав кулаки и готовясь поднять грандиозный скандал!

– Еще душ? – слышался противный голос. – Хорошо! Три так три! Что у нас козырь? Снова пики?

Внутри все галдело и смеялось на разные голоса.

– Куда шестой козырной дамой! Совесть тоже нужно иметь! Не шестой же подряд! – взвизгнул кто-то очень противным голосом. И все это под аккомпанемент бешеной гармонии.

– Все! У меня больше нет душ! Выхожу! – каркнул кто-то. Слышался звук, словно об стол шлепнули пачкой бумаги.

— Где тут нечистая сила превращается в условно чистую! — строго и громко спросила я, заходя внутрь самой бани. — А ну марш отсюда!!! Закрывайте ваш сельский филиал Лас — Вегаса! Я кому сказала!

Все, как меня учили.

— Ой! — послышался писк позади меня.

Гармонь тут же притихла. Воцарилась пауза.

Я уже сама поняла, что тут не «ой!». Даже не «Ой!!!», а «завешание на третьей полке слева!».

Но вот гармонь снова заиграла, так, словно гармониста кусал бешенный ансамбль народного творчества.

На меня смотрел толстый, закутанный полотенцем мужик с бородой. Вид у него был далеким от дружелюбия. Он держал в руках веер из черных замусоленных карт, бегая маленькими хитрыми глазами то туда, то сюда. Рядом с ним сидел какой-то лохматый, черный мужик со светящимися красными глазами и рогами. Он тоже для приличия обмотался полотенцем, ритмично подергивая коровьим хвостом в такт музыке. Его светящиеся красные глаза рассматривали карты на круглом черном столе, а потом возвращались в свой веер. Изредка он чесал одно лошадиное копыто об другое. Рядом с ним сидел суровый мужик с белесыми глазами без зрачков и радужки. В его спутанных волосах виднелись листья, ягоды и ветки.

По другую сторону от пузатого сидел ...

Сердце, желудок и все внутренние органы ухнули вниз,

заставив колени прогнуться, а руку уцепиться за дверной косяк побелевшими пальцами.

По другую сторону от пузатого сидел Хозяин Топей, дерзко скалясь на свои карты. Если не считать полотенца и моего взгляда, на нем не было ничего... Внушительный красивый торс сверкал капельками пота. Влажные волосы облепили шею и казались почти черными.

Я почему-то сглотнула, скользя взглядом по его обнаженным плечам. Массивное золотое украшение лежало на груди, сверкая в свете жара, плывущего, словно мираж в пустыне, от раскаленных до бела камней. Рядом оплывал кубок, по стенке которого стекала бордовая капля...

Черные когти выбирали одну из карт, поглаживая каждую грань веера. Внезапно одна карта вспыхнула зеленым светом. И тут же погасла, вызывая дьявольскую улыбку.

Остальных гостей набилось еще ... нечеловек двадцать. Все уставились на меня. И вот зеленые глаза поднялись из-за веера карт, и ...

... сделали вид, что слабо меня знают!

Тем временем одна из карт, выложенных на столе, вспыхнула черным и поменяла масть. Хитрый красный глаз лохматого сощурился. Ее соседка – карта тоже вспыхнула и поменяла масть на черную.

В самый уголок забился гармонист с бешеными выпученными глазами. Он был седым и натурально пилил на гармони с такой скоростью и усердием, словно от этого зависела

его жизнь.

– Пойдем отсюда быстрее, – взмолились перепуганные бесы. И впервые я была с ними согласна! Вот только ноги не слушались от ужаса.

Только я отвернулась, как послышался незнакомый голос.

– Все! Нас заметили! – простонали мои бесы. Они казались такими маленькими и миленькими по сравнению с теми, кто сидел за игральным столом.

– А! Ведьма! – послышался голос пузатого сквозь яростные звуки гармони. – Кто девочек заказывал? Почему одна? На всех не хватит!

– Я возьму гармониста! Да, Степушка? Степушка, убавь звук! А то ведьмушку не слышно! – рассмеялся мохнатый с горящими глазами, поглядывая на седого мужичка, трусливо сидящего в уголке. На его коленях стояла потертая гармонь, на которой он почти беззвучно наяривал какую-то веселую мелодию. Глаза у него все еще были выпученными, а руки бегали так, что его вот-вот удар хватит. Только на этот раз играл он с остервенением, но тихо.

Я вспомнила бедную девушку, которая мучилась под баней и сжала кулаки.

– Извините, пожалуйста! – вздохнула я, уперев руки в боки. В бане было до того жарко натоплено, что мне показалось, здесь отмечают открытие филиала ада. – У нас тут роды! Попрошу освободить помещение!

Я сплюнула прилипшие к лицу волосы.

Послышался дружный смех. Смеялись они минуты две, пока я стояла, мысленно надеясь на свои обереги.

– Выиграешь в карты – освободим, – послышался голос пузатого.

– Это кто? – прошептала я своим бесам.

– Это банник... – шепнули мне. – С ним лучше не шути! Он тут хозяин!

– А если проиграю? – спросила я, с тревогой глядя на карты, разложенные на столе. Я в последний раз играла в карты в гостях. Без особого успеха!

– Садись! – тащили меня, освобождая место напротив Хозяина Топей. Я вцепилась в обереги на шее, вызывая у всех присутствующих взрыв хохота. – Только разденься для начала!

Я опомниться не успела, как на мне очутилось полотенце. Оно было недостаточно длинным, поэтому я искала им ту грань приличия, которую хотелось бы соблюдать!

– Простипома! – сплюнул гармонист, пока я стыдливо поправляла полотенце. Он выпучил глаза еще сильнее и заиграл с двойным напором.

– Мы играем в карты на раздевание, – послышался голос Банника. Он усмехнулся, поглядывая на всех присутствующих. – Если проиграешь, мы сдерем с тебя кожу!

Глава седьмая. Три в ряд!

– Я... я не умею играть в карты, – испуганно прошептала я своим не менее перепуганным бесам.

Из всех игр я умела играть втри в ряд! Я бы с удовольствием сыграла с местной нечистью в три в ряд, уложив всех рядочком и присыпав земелькой.

– Садись, ведьма! – послышался хохот банника. Меня шлепнули мокрой рукой по плечу, заставив покоситься на шершавую лапищу. Гармонист уже скосил глаза. Пот тек по его седому виску, но он все наяживал.

– Его зовут местный Поганини! – рассмеялся банник.

– Потому что для погани всякой играет? – наивно спросила я, глядя на бедного мужичка.

– Точно! – послышался смех, а меня снова шлепнули по плечу мокрой ладонью. – Ну что? Раздавайте карты!

Я сидела напротив Хозяина Топей, который смотрел на меня пожирающим взглядом. Его черный коготь скользил по драгоценному кубку, словно описывая его изгибы. Я вздрогнула и решила посмотреть на банника. Тот был весел, как никогда!

– А это что за бесы? – спросил лохматый с красными глазами.

– Это старые бабкины бесы! – присмотрелся банник, пока мои бесята сидели у меня на плечах.

– Мы не старые! Мне всего-лишь сто лет! – огрызнулся правый.

– А мне пятьдесят! Меня бабушка из яйца высиживала! – фыркнул второй.

Колода черных карт очутилась в руках Хозяина Топи. Он стал тасовать ее, пока я чувствовала себя крайне неудобно. Справа сидел огромный банник. Слева мохнатое нечто. Тот, с листьями в волосах сидел рядом с Хозяином Топей.

– Это – необычный дурак, – слышался смех Хозяина Топей. – В обычный мы не играем! Правила просты...

Он вынул одну из карт, не сводя с меня того самого взгляда, от которого хотелось провалиться сквозь землю. На карте была дама пик.

– Мухлой, но так, чтобы не поймали! – заметил он. Зеленый свет обратил даму пик в пикового туза.

– Я не умею, – прошептала я бесам, пока гармониста колбасило в уголке.

– Ниче! Мы умеем! – шепнули мне мои бесы, немного утешая. У меня был только черный пояс по «шахматам», когда я психовала и переворачивала доску на третьем часу игры. И разряд по «шашкам», когда я разряжала атмосферу «а давайте во что –нибудь другое?».

Мои карты легли передо мной. Черные когти достали козырь.

– Пики, – заметил Хозяин Топей, скользя по мне взглядом, словно спуская полотенце. Или от его взгляда, или от

тревожности момента, я выдохнула. И взяла свои карты.

Сердце ухнуло вниз, жизнь промелькнула перед глазами, когда я с ужасом смотрела на шестерки, восьмерки и одну... девятку.

– Ой, отмолю я тебя, – проворчала я, чувствуя, как у меня трясется рука с картами.

– Бей! – пискнул мне на ухо правый бес. С такими картами отбиваться можно только стулом! И чем под руку попадется!

И тут я увидела, как шестерка превратилась в козырную! Бес на правом плече заерзал.

– Вот! – положила я карту сверху, выдыхая.

Я зыркнула на бедного гармониста, который напоминал Бетховена на портрете. Только у Бетховена был пышный парик. А у этого седые волосы сами стояли дыбом.

И тут в меня полетели карты. Одних козырных шестерок я насчитала штуки три!

– Так! – свесился с плеча правый бес. Мои карты поменялись. – Бейся!

Я стала осторожно выкладывать карты, боясь что мне еще подкинут козырных семерок.

– Отбилась, – слышался тихий голос Хозяина Топи. Он поднес кубок ко рту. Тонкая струйка явно не гранатового сока стекла по его губам, подбородку прямо на шею.

– Че это он на тебя так смотрит? А? – негромко заволновались бесы. Один держался за ухо, второй тянул волосы.

– Не знаю! – соврала я, вспоминая сладострастный, голо-

вокружительный поцелуй. – Не отвлекайтесь! На нас снова ходят!

– Не смотри на нее! – проворчал левый. – Она не вкусная!

– Да неужели? – вспыхнули глаза Хозяина Топей.

– Мы точно знаем! – вякнули мои бесы, заставляя меня мучительно покраснеть.

На самом деле мое сердце замирало, когда по мне полз его взгляд. Интересно, о чем он думает? Зеленый крыжовник глаз смотрел на меня в упор. Я не могла отвести взгляд, подавшись знакомому очарованию, от которого хотелось бежать куда подальше. Зеленые глаза опустились в карты, чтобы резко подняться на меня.

– Дамой бей!!! – крикнули мне сразу в два уха, заставив дернуть головой.

– А! Дамой? – дернулась я, уставившись на картинки и мечась взглядом по картам. – Дама! Вот дама!

Конечно, это не мое дело... Но мне одной кажется, или это уже шестая пиковая дама?

– А ведьма смелая! – рассмеялся банник на ухо. – Другая бы уже бежала дальше, чем видела!

На красивых губах Хозяина Топей я увидела тень улыбки.

– Я вышел! – заметил он, высыпая на стол козыря.

– Тьфу ты! – послышался голос мохнатого. Он заерзал, а я отклонилась от него подальше.

– Я тоже! – хохотнул банник, глядя на меня. Его карты легли на стол, отбиваясь от моих. Я испуганно смотрела на

оставшихся двух игроков. Карты кончились с неимоверной скоростью!

– Сейчас Леший ходит! – послышался голос бесов.

Там чудеса! Там Леший ходит! И ходит он опять с тузов!

– Вышел! – рассмеялся скрипучим смехом Леший. Я похолодела, оставаясь один на один с мохнатым, красноглазым и жутким типом.

Он выложил карты на стол, а у меня перехватило дыхание.

Нет, нет, нет... Я мельком пробежала по картам на столе, а потом сунула нос в свои, обмирая от перспектив!

– Нет, – заерзали бесы на плече.

Мой взгляд упал на Хозяина Топей, который смотрел на меня с усмешкой.

Неужели я проиграла? Сердце ухнуло вниз, когда я представила, что будет, когда загребу карты. В руках пушистого мелькала одна – единственная карта.

Я с надеждой и мольбой посмотрела на банника. Но тот был занят тем, что рассматривал банный веник. Потом мой тревожный взгляд упал на гармониста, который поднажал.

Я снова посмотрела на Хозяина Топей, чувствуя, как внутри меня дрожит трусливый заячий хвостик!

– Ладно, вы тут сдирайте кожу! – усмехнулся Хозяин Топей, глядя на меня свысока. Он встал, чуть не опрокинув свой кубок.

Он направился в обход стола, скребя когтями по черной столешнице.

– Жаль девочку, но вы потом расскажете! – внезапно произнес он, все еще скребя когтями по столу. – Как кричала она, бедненькая...

– Не тронь ее! – зашипели на него мои бесы. Вот, значит, как?!

– Веселье только началось! – возмутился банник, потирая руки. – А как же кровушка? Ну что ты, в самом деле! Самое интересное пропустишь!

Хозяин Топей прошел мимо меня, так ничего и не сказав. Он даже не обернулся.

Я смотрела на него, видя, как его силуэт исчезает в дверном проеме.

– Ой, мамочки, – выдохнула я, глядя на свои карты, которые от волнения расплывались перед глазами.

– Бейся! – послышался голос беса. Я посмотрела на карты на столе, а потом на свои... Погодите-ка! Одну минутку!

Закусив губу, я стала медленно отбиваться. Когда последняя карта легла на стол, я услышала фыркание.

– Отбой!!! – радостно закричали бесы на плечах. – Ходи! Мы ходим! На тебе! Получай!

– Ууух, – выдохнула я, выкладывая последнюю карту на игровой стол.

– Жаль, – заметил банник. – Ладно, уговор дороже денег! Освобождайте помещение! Сейчас рожать придут!

Мелкие черти, которые веселились сами по себе, вылетели прочь. Я покачнулась, чувствуя, как руки трясутся. Через

минуту в бане было пусто.

– Тащи свою! – слышался недовольный голос банника. – А я пока полотенца подготавливаю! И воды согрею!

Гармонист, покачиваясь, выходил вперед меня. Он тяжело дышал, таща гармонь на спине. Руки у него все еще тряслись, словно перебирали невидимые клавиши!

– Послушайте, – дернула я его за рукав. Главное, чтобы банник нас не услышал!

– Ась? – слышался голос гармониста. Он стоял и смотрел на меня, пока я на всякий случай проверяла полотенце.

– Бегите, я постараюсь отвлечь банника! – прошептала я, поглядывая в жарко-натопленную баню. – Бегите, спасайтесь!

– Спасибо тебе за спасение, матушка – ведьма! – пытался отдышаться гармонист. – Век буду не забуду!

Я толкала его к двери, как вдруг слышался голос банника.

– Завтра в полночь черт на утопленнице женится! Придешь, Поганини?

– Во скока? – спросил гармонист, прислушиваясь к ответу.

– Как солнце сядет! – крикнул ему в ответ банник.

– Приду! – слышался голос гармониста, а я отпустила его взмокший рукав.

Он вышел из жаркой бани в прохладу. Прохлада открытой двери дунула на меня, слегка остужая пыл лишний раз

творить добрые дела! Вот так ведьмы становятся злыми и черствыми!

– Все! Баня чистая! – выдохнула я собравшемуся селу, видя несчастную, взмокшую роженицу и ее семейство. – Можете заносить!

– Ууух! – стонала бедная, когда ее несли в жарко натопленную баню.

Значит так, да? Я вздохнула, глядя на дремучий лес, вышедший за деревней!

– Нечисть, – фыркнула я, чувствуя, что все правильно сделала. – И нечего мне тут харизму раскатывать!

Бесы прыгали, обсуждая игру.

– Пропади ты пропадом! – процедила я, негодуя.

Внутри что-то неприятно ворочалось. Мне было как-то обидно за: «вы тут сидайте, а я пошел!». Настолько обидно, что я сжала кулаки, медленно выдыхая. Мне хотелось взять рукав рубахи, вытереть губы, словно пытаюсь стереть его поцелуи со своих губ!

– Ну ты и ловкач! Это ж надо было карту прямо на столе подменить! Так бы не отбились! – слышался радостный голос беса.

– Да не скромничай! Все равно нас уже никто не слышит! – радовался второй. – Подмахнул карту прямо в масть!

– Я думал это ты! – слышался голос второго. – Я бы ни в жисть не отважился! Ладно менять карты на руках, но на столе! А если бы поймали?!

– А я был уверен, что это ты на столе карту поменял! – спорил с ним первый. – Ты что? Ее не менял?

– А кто тогда поменял карту?! – уставились друг на друга бесы. – Там же лежала бубна! А стала черва!

И тут я вспомнила, как рядом со мной проходила знакомая фигура. Вспомнила, как его по черной столешнице скребли черные когти.

– Все равно, я тебя недолюбливаю, – вздохнула я, сощутив глаза в сторону древних лесов.

– Ведьма! Ведьма! Рожает уже! – кричали мне, втаскивая меня в баню. В бане было уже пусто. Кроме роженицы, меня и бесов никого не было! Даже стол исчез.

– Аааааа! – страшно закричала роженица. Я глянула на нее и тоже страшно закричала: «Ааааааа!». Наши «Ааааааа!» почти слились в унисон. Я была девушкой очень впечатлительной.

– Ведьма! Ты че? Сомлела? – скакали на мне бесы. Я почему-то лежала на полу. – Эх, ладно! Отдыхай! Мы сами все сделаем!

В первый раз я слабо приоткрыла глаза, когда услышала.

– Тужьтесь, мадам!

Снова послышался страшный крик, от которого я снова провалилась в темноту.

Я слабо приоткрыла глаза после слов: «Поздравляю! У вас девочка!».

Рядом с измученной роженицей скакали мои бесы.

– Три пятьсот! – послышался голос беса. – Только что взвесил! Все! Уноси весы, Антипка! Неси... сантиметр!

– Пятьдесят два сантиметра! – глянули бесы на старую рулетку. У них на руках был сверток из полотенец.

– Красивущая вырастет! – радовались они, вручая ребенка перепуганной до ужаса матери, которая лежала, боясь шелохнуться.

– Ну все, – устало выдохнула я. – Мы пойдем домой?

– Куда домой! – переглянулись бесы. – А дите кто будет всю ночь караулить? Мы пока вокруг бани дежури́м! А ты тут карауль! Знаешь, сколько нечисти захочет подменить ее на полено!

Я сидела рядом со спящей матерью и ребенком, честно обещая себе не клевать носом. Проснулась я от того, что слышу детский плач.

– Баю-баюшки-баю! Эту ведьму я убью! – слышался голос банника. Я дернулась, понимая, что уснула. Банник стоял и нянчился с ребенком.

– Спи, давай, ведьма! С рассветом ты будешь дежурить! – буркнул он, нося малышку по бане и напевая колыбельную. – Кожу мы с нее сдерем! И по всякому – убьем! А-а-а-а!

Я уснула. Может, усталость, а может и булькающая колыбельная так подействовали, но я провалилась в сон. Как вдруг проснулась. В бане слышались голоса. Точнее не в самой бане, а в предбаннике. Ребенок спал возле матери, а я на одну полку ниже.

– Ну, послушай, банник, дружище! Я тебе твой долг прощу, если ты мне этого младенчика отдашь! – слышался голос, а я темноте предбанника увидела сверкнули красные глаза. – Одна душа взамен... Сколько ты мне проиграл сегодня?

– Не могу! Они напросились, – проворчал банник. – Даже ведьма напросилась!

– Ну чего тебе стоит! – слышался тихий зловещий и противный голос. – Ты просто отвернись! Потом поленце ей подложим! Никто ничего не заметит! Ведьма слишком молодая, неопытная! Не заметит или не отобьет!

– Ну хорошо, – согласился банник, а я почувствовала, как дрожат мои руки.

Глава восьмая. Не баньте меня, пожалуйста!

Волосы на голове зашевелились, как у медузы горгоны. Мрачная, темная баня наполнилась зловещей тишиной. Я осмотрелась по сторонам, скользнув взглядом по сложенным в огромную стопку дровам. Мой взгляд упал на полотенца, которые валялись на полу.

Я схватила первое попавшееся полено, а ребенка сняла со спящей матери и спрятала под деревянный ушат.

– Вот только попробуй мне заорать! – пригрозила я, с ужасом поглядывая на приоткрытую дверь в предбанник.

Потом для верности, я схватила еще одно полено, наскоро перемотав полотенцем, и положила возле спящей матери. Она обняла его и прижала к себе, так и не заметив подмены.

В темноте слышались осторожные шаги, напоминающие цоканье.

Я прижала к груди бревно, расхаживая из стороны в сторону по скрипучим половицам и нежно баюкая мою бура-тинку.

– Аааа! – подвывала я, расправляя уютный конвертик из полотенца. – Баю-баюшки баю...

Краем глаза я видела, как в приоткрытую дверь крадется абсолютно бесшумная, черная тень, нависая надо мной.

– Аааа! – баюкала я полено. – Ути какая ты красавица! Вот вырастешь – все мужики только о тебе говорить и будут! Ага, бревно в постели!

Мать перевернулась на другой бок и простонала. Мрачная тень от стены отделилась, оборачиваясь в мохнатый знакомый силуэт. Я видела его краем глаза, а сама готовилась.

– Баю-баюшки – баю! Не ложися на краю. Придет черненький козел, и отхватит звиздюлей! – качала я, краем глаза поглядывая на крадущуюся тень.

– А! Увидала, значит! Дай сюда ребенка, ведьма! – послышался знакомый мерзкий голос.

– Нет! – прижала я к себе бревно, как родное. – Не отдам! Банник! Банник!

– Дай сюда! – послышался страшный голос. Ко мне потянулась черная лапа с узловатыми пальцами и давно не стриженными когтями.

Мохнатое, красноглазое рогатое нечто стояло передо мной, воинственно перебрасывая свой коровий хвост с одной стороны на другую.

Он попытался выдернуть у меня полено, но тут же получил им по голове. А следом и по бесстыжей морде! Я ударила наотмашь, решив, что в детские ужастики: «Не ходи, а то черт тебя схватит и съест!» срочно нужно уточнение «Не ходи, а то черт тебя схватит и обсосет!».

Я искренне считала, что у каждого юного волшебника должна быть своя волшебная палочка. Кажется, я свою уже

нашла! Причем, бесплатно! На счет заклинаний все было просто! Я решила воспользоваться огромным словарным запасом, который пополнялся годами и разрастался с каждой свежей неприятностью!

Магический поединок продолжался. Противник, не ожидавший того, что я имею столь глубокий познания в магии, был слегка обескуражен. Он никак не мог предположить, что отбиваться я буду «ребенком». В разгар битвы я услышала за спиной тоненький детский писк. На мгновенье замешкавшись, я почувствовала, как меня толкнули в темноту предбанника. Потеряв равновесие, я ударилась головой о лавку. Но тут же вскочила на ноги.

Не обращая внимания на боль и гул в ушах, я бросилась обратно в баню, заслоняя собой и мать, и «ребенка».

– Ааааа! – послышался отчаянный крик матери, из рук которой вырвали «дитя» – Не отдам!

Но вот уже мимо меня пронеслась черная тень, унося с собой сверток из полотенец. Ушат лежал на месте. Сердце замерло, когда я приоткрыла его и увидела малышку. Он скуксилась и всхлипывала.

– Все в порядке, – утешала я ребенка, отдавая до смерти перепуганной матери. – Просили – полено, получите!

Остаток ночи я просидела, обняв колени. В маленьком кривом оконце так и не светало. В бане то и дело слышались шорохи и скрипы, словно по старым половицам ходит кто-то невидимый. Глаза слипались, я клевала носом, борясь

со сладкой дремотой, окутывающей меня одеялом из мечтаний, воспоминаний и каких-то невероятных, фантастических грез.

Мне показалось, что я даже уснула. Но я лишь задремала, прислонившись к деревянной стене. Ведьмам, караулящим младенцев, полагается кофе вне очереди!

– Ведьма! Просыпайся! – дергали меня, пока я сонно хмыкала. – Вставай!

– Что? Где? – спросонья перепугалась я, проверяя младенца.

По мне прыгали мои бесы. Вид у них был очень встревоженный. Они наперебой пытались мне что-то сказать, делая страшные глаза и тыча пальцами в сторону двери. Сон как рукой сняло! Я вскочила на ноги, понимая, что мало что смогу сделать!

– Значит, обманула, да? – слышался противный голос. Красные глаза сверкнули в темноте, а в меня внезапно полетело бревно. – Ничего! Я свое возьму!

Он бросился к ребенку, хватая его и...

Я почувствовала, словно меня подменили. Дальше я ничего не помню.

Очнулась я, лежа на траве, чувствуя, что мне очень неудобно. Кажется, мне в спину упирается острый камень. На горизонте занималась алая заря. Хриплый петух оповещал, что долгожданное утро все же наступило.

– Что случилось? – прошептала я, глядя мутными глазами

на бесов, сидевших рядом. И тут же дернулась. – Где мать и ребенок?

– Дома они уже! Мы их вытащили, – слышался вздох. Один бесенок чертил хвостом какие-то знаки. Второй сидел на камне, задумчиво подпирая голову.

– Откуда вытащили? – спросила я, пытаюсь присесть. Ой, а что с рубахой? Я рассматривала огромную дыру.

– Где это я так? – удивилась я, натягивая льняную рубаху.

– Это когда Нечистого выгоняла, – заметил сидящий на камне бесенок. – Ты хоть помнишь?

– А что я должна помнить? – очень осторожно спросила я.

– Тебе как? Сразу или очень деликатно? – спросил меня бес, вытаскивая травинки из своего хвоста.

– Давайте деликатно, – простонала я, все еще не помня ничего после того, как новорожденная малышка оказалась в черных страшных руках.

– Тебе до того, как ты Нечистого из бани за шкурку вытащила? Или после того, как сожгла баню? – поинтересовался сидящий на камне бес.

– А между можно? – спросила я, обращившись на догорающее народное достояние. Ой, мамочки!

– У тебя глаза как вспыхнули зеленым. Ты как бросилась на него... И руки у тебя загорелись! – размахивал руками бес справа. – Прямо вытолкнула из бани в...

Он замолчал, задумавшись.

– В дверь? – ужаснулась я, рассматривая свои руки.

– Назовем это «новая дверь», – переглянулись бесы.

– Ой, мамочки, – съежилась я. – Как мои хилые ручки смогли сделать новую дверь?

– Так ты ж не голыми руками! Ты же им дверь делала! И прикладывала, как уровень! – вздохнули бесы, глядя на меня не то с опаской, не то с уважением.

– Да вы что?! – ужаснулась я, глядя на тлеющие головешки, оставшиеся от бани. – Да я самое миролюбивое существо на земле! Я за мир во всем мире!

– Да-да! Ты примерно тоже самое и говорила! – встрепенились бесы, пока я слюнявила пальцы, чтобы стереть копоть с локтя. – И добавляла, что сейчас покажешь ему целый мир! А потом уточняла, что загробный.

– Не может такого быть! – опешила я, рассматривая разодранную когтями рубаху. – Я не могла такого сказать!

– Не могла! – закивали бесы. – Ты это не говорила. Ты это орала!

А потом этот удрал, а ты постояла, посмотрела и напоследок сожгла баню. Потом пожала плечами, спросила: «А с фи-га ли баня завалилась?» и рухнула на землю.

Глава девятая. К худу или к бобру?

Кое-как встав, я поковыляла в сторону дома, прихрамывая почему-то на одну ногу и совесть. Позади меня уже всю суетились, пытаясь потушить остатки бани.

Дверь скрипнула протяжненько и грустненько. Паутина, висящая по потолку покачнулась от дуновения сквозняка.

– Кто здесь? – спросил подозрительный голос домового из-за печи.

– Свои, – мрачно ответила я, падая на лавку.

Огромный клок шерсти и пыли медленно перекатывался, словно перекасти-поле. Сухие листья шуршали по углам. В давно немытых окнах стоял вечный туман. Груда всякого мусора была заботливо распахана, где придется. И в качестве акции устрашения поросла паутиной, которую караулил огромный четырехлапый паук.

– Ой! – ужаснулась я, поглядывая на паука. – Брысь!

– О! Ты уже познакомилась с Брысем? – переглянулись бесы. – Ты его не обижай! Он тут живет на случай, если понадобятся паучьи лапки!

Паук на четырех лапах уполз в темноту, намекая, что четыре раза он уже был полезен!

Внутри было какое-то странное чувство, от которого я никак не могла избавиться. Стоило мне подумать о чем-нибудь, как мысли медленно возвращались к зеленым глаза.

Вот смотрю я на плесень, а она превращается в зеленые глаза... Смотрю на горшок, а он вдруг начинает улыбаться прозрачной зубастой улыбкой. Может, это остаточное действие его чар? Или это как-то связано с силой, что он мне дал? Сила! Вспомнила!

– Ничего себе, – удивилась я, рассматривая свои пальцы. – Я прямо так вот взяла и... Эх, жаль, что я не помню! Значит, не обманул!

– Слушай, а ты случайно не у болотника силу брала? А то у тебя глаза странно горят! И сила какая-то зеленая! – подлез ко мне бесенок. – А то мы все узнавали, да разузнать не могли! Никто не признается!

– Антипка? – прищурилась я, глядя на бесенка, потешно морщившего пяточок. Вот все им нужно знать!

– Ага! Не у болотника ли? – встревоженно подлез второй. И тоже под руку. – Только не говори, что у него!!!

– Нет! Что вы! – отпиралась я, причем очень натурально. И округляла глаза. – Не у него! Точно! А зеленый вообще мой любимый цвет!

Тем временем щеки почему-то краснели сами по себе. Вот те раз! Опять напомнили!

– Ой, – тут же выдохнули мои бесы, сползая на скамеечку. – Хорошо, что не у Хозяина Топей! Он вообще редко кому силу дает! Но мы слышали, что дерет за нее...

Ой! Я снова покраснела и сделала вид, что милее пушистого паука-инвалида ничего на свете нет. Старенькая печка

покрыхтела, поворочалась, а я звонко чихнула.

– Я так понимаю, что теперь это – мой дом? – спросила я наиграно бодрым голосом. Нет, ну надо же как-то перевести тему! Да и самой хотелось чем-то заняться, чтобы отвлечься от мыслей о коварной улыбке, спрятанной за шторкой темных волос.

– Да! Твой! – повелись на мою уловку бесы.

– Значит так! – уперла я руки в боки. – Раз мой, то нужно будет прибраться! Нельзя жить в таком ... мусоре! Кто со мной?

Я посмотрела на бесов. Один из них сидел и заплетал косичку на своем кончике хвоста. А второй ковырял лавочку.

– Мы – бесы! Мы как бы пакости должны делать! Давай кого-нибудь испортим? А? – тут же оживились бесы. И стали смотреть на меня умоляющими глазами, словно дети, которые просили конфетку.

– Достаточно моих испорченных нервов, – заметила я, осматриваясь по сторонам и прикидывая, с чего бы начать генеральную уборку! – Не хотите помогать? Тогда идите нафиг! Сама справлюсь!

Стоило мне только произнести это, как бесы тут же исчезли. Я замерла в растерянности. Они что? Обиделись? Ладно, когда вернуться, я попрошу у них прощения, если обидела. Все-таки славные ребята!

Домишка был маленьким. Однокомнатным. Со всеми удобствами в виде крыши и «не снесло ветром, и радуйся!».

Сквозь дыру в крыше проникал луч света. Если в него зайти, то можно почувствовать себя супергероем!

– Крышей займемся потом! А пока что... ! – потеряла я ладошки, выискивая, чем бы для начала подмести. – Все ненужное мы выбросим! А нужное – оставим! Зато сколько места освободиться! И справлюсь быстро!

Сушеные мумии мухоморов на ниточке вообще было не разглядеть из-за плотного слоя паутины. На покосившихся полках, держащихся на честном матерном слове и крови прибивавшего их умельца, лежали пучки трав, мешочки и прочая магическая ерунда, которую я решила пока не трогать.

Я взяла старый мешок, открыла его, видя сморщенную проросшую картошку. Картошка была старенькой и требовала к себе уважения. Поэтому я решила отправить ее на заслуженную пенсию и потащила мешок на выход. Сейчас соберем здесь огромную кучу! А потом придумаем, куда ее деть!

– Куды!!! – послышался скрипучий голос домового. На мешке сидел маленький волосатый старичок в старой рубаше, подпоясанный веревочкой. – Куды добро разбазариваешь! А ну втащи ее обратно! Пусть лежит. А то че? Кушать просит? Не просит!

– Хорошо, я не буду трогать вашу картошечку, – вздохнула я, хватаясь за мешок с какими-то гнилыми досками.

– А это куды потащила? Это про запас! – нахмурил кусти-

стые брови дедушка, обнимая мешок обеими руками. – Не дам! Усе, что нажито непосильным трудом, пришла и разбазаривает!

– Ладно, – пожалела я домового, который смотрел на меня как мышь на крупу. – Пусть лежат опилочки! Мало ли! Вдруг котика заведем?

– Я предыдущего еле вывел! – снова нахмурился домовый, бережно таща мешок обратно. Он даже развесил паутину по нему! Все как было!

– Когда кого-то заводишь, у меня спрашивать сначала надо! – гордо произнес домовый.

– По поводу мужика тоже? – усмехнулась я, отгоняя мысли о Хозяине Топей. Дался он мне!

– И по поводу мужика! – насупился домовый. – Кота завели, а меня не спросили! Не в масть он был! Не в масть!

– А тебе что? Козырного подавай? – усмехнулась я, глядя на маленькие лапти на ногах домового. – Ой, какая прелесть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.